

Архитектура
жизни: закон
случайных
величин

Автор идеи

Дмитрий Наринский

Литературный текст

Дарья Симонова

Ева Ждановская

Иллюстрации

Катерина Горелик

Дизайн издания

Barry&Brom Design Bureau

Архитектура жизни: закон случайных величин

Москва
2015

УДК 821.161.1-1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

А87

Архитектура жизни: закон случайных величин / Литературный текст:
Дарья Симонова, Ева Ждановская — Москва: ИП Елена Алексеевна
Пахомова, 2015. — 152 с., ил.

ISBN 978-5-906568-09-0

© Наринский Дмитрий Вадимович, 2015

Случайной называют величину,
которая в результате опыта примет
одно и только одно из возможных
значений, причем неизвестно
заранее, какое именно.

...Я шел по лесу. Я уходил от пустоты и отчаяния. Почти каждый день я двигался в неизвестном направлении, просто чтобы отвлечься от боли, душевной и физической. Год назад я пережил шок. Тогда, после развода, у меня было ощущение, словно я очнулся после автомобильной аварии и мне сообщили, что вся моя семья погибла, а в живых остался я один. И я действительно был один. Семьи, которую, казалось, я обрел после смерти мамы, больше не существовало.

Через год я задумался о том, что мне... нужен дом. Хотя еще совершенно не понимал, кто будет в нем жить. Я боялся, что мне никогда не повторить тот первый опыт, в который я вложил душу. Но мой второй дом получился даже лучше первого! Хотя тому предшествовал долгий путь. Путь возвращения к месту силы.

1.

Первый крик свободы

Порой мучительная неведомая сила тянет меня на Мархлевку, в тот дом, где мы жили с мамой, папой и бабушкой. Москва, улица Мархлевского, ныне — Милютинский переулок, д. 3, кв. 29... И я еду туда. Брожу, будто в поисках чего-то утраченного, какой-то части себя или своей души.

Наш старинный купеческий дом 1905-го года постройки изначально строился как доходный. Напротив этого дома когда-то было кладбище и при нем церковь. Лет сто назад ее разрушили. Помню даже момент, когда я играл с детьми на том пятачке перед нашим домом — правда, к тому времени он уже был превращен в газон, — а рабочие здесь же раскапывали место под прокладку кабеля. Мы с мальчишками нашли много костей под землей.

Наша семья жила в коммунальной квартире. В ней, как, впрочем, и во всем доме, проживало много кагебешных товарищей. Всех соседей помню очень хорошо — будто сейчас перед глазами стоят.

Квартира была огромная — на восемь комнат. Изначально самую большую комнату — около 30 квадратных метров — занимали моя бабушка Ольга Сергеевна с дедушкой и старшей дочерью Ирой. Мама же все свое детство провела в подмосковном Томилино, у ее бабушки — Ольги Ираклиевны. Там же окончила школу и техникум; в Москву переехала, лишь поступив в Бауманский институт. А старшие дочери, мамины сестры, к тому времени вышли замуж и переехали к мужьям.

Когда бабуля с дедушкой развелись, дед уехал в кооперативную квартиру на Преображенке, и бабушка разменяла эту тридцатиметровую комнату на две, площадью поменьше: 16-метровую оставила себе, а 17-метровую — маме, где, собственно, я и родился. Только в 1987 году бабушке дали отдельную квартиру в Сокольниках, где она и жила в последние свои годы. А мы с мамой остались в Милютинском переулке.

Так вот, Ольга Сергеевна, моя бабушка, жила в первой комнате по левую сторону от входной двери. За стенкой, во второй комнате, жили дворники: татарка тетя Нэля и ее муж, узбек-лимитчик Рушан. Поговаривали, будто он сбежал к ней то ли из исправительного учреждения, то ли из психиатрического — не суть... Жили Нэля и Рушан, надо сказать, весело — у них посто-

янно были драки и скандалы. Это было нечто: посуда билась, ведра с грохотом катались по полу, проливая бурные реки, разносились крики. Нэля закатывала Рушану такие истерики! Орала так, что не удивлюсь, если в Петропавловске-Камчатском ее было слышно! А с каким остервенением во время очередного скандала она могла схватить его вещи и начать вышвыривать их в окно! Ничего подобного я с тех пор даже в кино не видел. Они оба, похоже, были ненормальные. Впрочем, есть мнение, что такие вещи очень заводят людей определенного психотипа. Может, это как раз тот случай? Потом у Нэли и Рушана родилась первая дочка, Зульфия, за ней — вторая, и Нэля вроде немного успокоилась.

Третью комнату занимали мы с мамой.

В четвертой комнате жили Мироновы — семья лифтерши и слесаря, тоже лимитчика. У них был сын Саша, лет на десять меня старше. Особым умом он, конечно, не отличался, но и плохому меня не учил. Играл со мной. Считался этаким гуру.

Я тоже рос добрым ребенком. И тоже не семи пядей во лбу. Почему меня никто не ругал дома за успеваемость в школе — при таких интеллектуальных и образованных родителях, ума не приложу! Хотя одна версия у меня все-таки есть.

Помню, бабушка как-то сокрушалась-сокрушалась по поводу моей бестолковости: «Что же из тебя выйдет?..», «Кто же из тебя получится?..», «Кем же ты станешь?..», и я, искренне желая ее успокоить, на полном серьезе пообещал: не волнуйся, мол, дорогая бабушка, все у нас будет хорошо, потому как стану я дворником, в крайнем случае слесарем, и будет нам счастье! Не исключаю, что мама с папой не на шутку испугались такой перспективы и решили не ругать меня особо сильно, чтобы я не закрепился в своем желании стать слесарем или дворником. При этом, думаю, они все же в меня верили. И главное — не пытались меня изменить. Хотя, возможно, у них для этого просто не находилось времени, что, как выяснилось, тоже неплохо!

Когда у ребенка — это я про себя говорю и, думаю, про своих детей тоже — появляется свобода ничего в себе не менять и осознание того, что он любим таким, каков есть, желание изменений наступит неизбежно. А еще... чем больше свободы получает человек в детстве — в виде родительского разрешения допускать ошибки — тем спокойнее он сможет признать их, чтобы исправить, а не бесконечно корить себя за них. И тем более терпимым он станет во взрослой жизни к недостаткам других, уважая неотъемлемое право человека быть самим собой.

Так что, говоря современным языком, наилучшей инвестицией моих родителей в мое взросление стало их вложение в мой психологический покой.

Пятая комната принадлежала пенсионерке Серафиме Даниловне — ее фамилию, к сожалению, я уже не помню.

Если идти по коридору, то по другой стороне, напротив всех этих товарищей, первая комната была так называемая темная комната (кладовка), где каждый из жильцов хранил что-нибудь ненужное, но не настолько, чтобы с этим ненужным расстаться или, не приведи Бог, выкинуть! Вторая принадлежала дяде Славе Самбурову. Он в те годы, сколько его помню, работал директором продовольственного магазина; бабник был страшный — постоянно домой водил всяких девиц и при этом оставался неженатым.

Третью комнату по той стороне коридора занимали Панковы — пенсионерка Татьяна Ильинична с дочерью, тоже Татьяной. Она вместе с моей мамой училась в институте им. Баумана.

Гонял я в детстве на своем двухколесном, с приставленными к заднему колесу двумя дополнительными маленькими колесиками, велике по коридору и огромной коммунальной кухне и — убежден: в отличие от многих других детей — был спокоен и абсолютно счастлив! И большего счастья я не мог себе даже представить: у меня было самое главное — ощущение себя любимым, позволение быть самим собой и чувство единения с семьей и миром!

Как бы мне хотелось сейчас, хоть на секунду, оказаться в той квартире, чтобы просто увидеть их всех — моих родных и соседей. Обнять. Посмотреть в глаза. Подкатить на своем велике к общему телефону, что стоял на столике у стенки в коридоре. Он был черный, красивый с большими белыми буквами и цифрами на диске. Когда он звонил, я быстрее всех подлетал к нему: «Би-би-и-и! Р-р-разойди-и-сь!» Снимал трубку, а потом мчался к соседям сообщить: «Вас к телефону!» В ответ, как правило, слышалось: «Ну чего ты раскричался-то? Вот ведь где труба-то Иерихонская».

Нередко мне и теперь непреодолимо хочется услышать тот звонок, ощутить в руке прохладную тяжесть трубки и увидеть этот старый аппарат. Часто бывает, я ловлю себя на мысли, что хочу набрать номер «228-39-51». И я его набираю...

Я набираю именно этот номер, хотя телефонная станция давно уже перешла на другую цифру: «928-39-51». И это мне тоже давно известно. Да. Как странно...

И впечатление, будто я — малыш еще совсем и мчусь на своем велике по коридору на кухню, а вокруг — воскресшие воспоминания...

2. Темная сеть

С Настей я познакомился еще на первом курсе института. У нас была общая компания, но поженились мы гораздо позже, когда мне было 26 лет. Через год после смерти мамы. Настя закончила филфак МГУ, работала переводчиком с английского. Она была очень яркая, даже слишком. И это, как я понял позже, мешает семейной жизни. Однако в ту пору, когда развивались наши отношения, я о многом не догадывался...

Сейчас понимаю, что ни страсти, ни сумасшедшей влюбленности у меня не было. Я женился на обаятельной девушке с сильной женской энергетикой, которую невозможно было не заметить в любой компании, но в большей степени она была для меня... единомышленником, близким по духу собеседником, — словом, «интересным человеком». Впрочем, дело было не только в Насте. Я женился... на ее семье. Да, именно так. В тот момент, после того, как ушел самый дорогой мне человек, мне очень не хватало ближнего семейного круга. А родители Насти — они не просто приняли меня. Они меня обожали! Я стал их любимым ребенком. Или... мне так казалось?

Это была необычная семья. Дедушка Насти, азербайджанец по национальности, был переводчиком Брежнева, переводил с турецкого и азербайджанского. Я очень привязался к Настиным родителям и до сих пор сохраняю с ними самые теплые отношения. Однако Настя предостерегала меня от слишком сильного сближения с ними. Теперь, имея опыт счастливого брака, я понимаю, что она была права. Брак — это самодостаточный союз двух людей, которые получают удовольствие от общения друг с другом. Весь прочий ближний круг — родственники, даже самые замечательные, друзья — исключительно дополнение. А если они играют решающую роль — значит, что-то не так...

Но тогда меня надо было предостерегать от другого. Я был слишком уверен в своем выборе. Точнее — в незыблемых основах семьи. Я думал, что брак — это навсегда. Я женился на всю жизнь, полагая, что подруг, девушек, увлечений может быть сколько угодно, а жена одна-единственная. Любое «навсегда» — опасная иллюзия. Именно в человеческих отношениях ей склонны поддаваться даже самые рациональные и осторожные люди. И — долго не видеть симптомов распада.

Мы жили в моей квартире на Балаклавском проспекте, куда мы с мамой переехали с Мархлевки. Но мне хотелось дом. И я... его построил!

Это был мой первый дом. Наверное, это переживание в том же ряду, что и первый друг, первая любовь. Замысел — полностью мой! Планировка, фасад, материалы — все это я придумал сам. Конечно, был архитектор, строители, но они воплощали именно тот образ, который возник в моем сознании. Для меня этот дом не был колоссальным вложением, но стал колоссальным проектом. Площадь — 220 метров, 3 этажа... Обошлось это тогда, в 2002-2003 годах, примерно в 70 тысяч долларов. Обшитый вагонкой, но полноценный зимний дом с отделкой из бруса, огромным камином, кинозалом с проектором. Мне даже пришлось отстаивать мои нововведения в спорах с Настиным папой — он был консерватор. А дом строился на участке Настиных родителей... Но исказить свой проект я не дал. За что, кстати, потом все были мне благодарны.

Сейчас, вспоминая о том времени, я думаю, что... так даже лучше, что я не остался один-одинешенек в этом доме, который строил для семьи. Мне хорошо от того, что дом наполняют жизнью люди, которые, как бы то ни было, — часть моей истории. Теперь там живут Настины родители и ее сын. Родившийся не от меня.

Все прояснялось постепенно. Однажды я случайно вклинился в телефонный разговор Насти. И понял, что она разговаривает со своим бывшим молодым человеком. Отношения с которым, как выяснилось, не закончились... Я был в шоке, не выдержал и выгнал Настю из дома, хотя она умоляла простить ее. Через неделю я ее простил.

После этого все как будто пошло по-прежнему. Как будто... если бы я не получал подкожные знаки, которые, конечно, не умел толковать. Просто мелкие проблемы, которые все не заканчивались, и казалось, что меня накрывает какая-то темная сеть — тонкая, но очень прочная. Я чувствовал усталость, досаду, но мне и в голову не приходило связывать череду мелких неурядиц с возможностью катастрофы. Хотя часто именно так и бывает — перед тем, как рухнуть, стена покрывается мелкими трещинами... И вот однажды, когда Настя уехала в командировку, меня разбудил звонок. Точнее — я проснулся за 15 секунд до этого звонка и с иронией подумал: что же день сегодняшний мне принесет плохого?

Звонили из женской консультации и просили Настю зайти за анализами. Тут уж я, мягко говоря, напрягся. Уточнил адрес поликлиники, пришел, отыскал кабинет ее врача.

Я БЫЛ СЛОВНО В ТУМАНЕ, В КАКОМ-ТО ВАТНОМ
ОЦЕПЕНЕНИИ, И ТОЛЬКО ИЗРЕДКА ПОКАЛЫВАЮЩЕЕ
УДИВЛЕНИЕ — ЗАЧЕМ Я ЗДЕСЬ? — ВОЗВРАЩАЛО МЕНЯ
В РЕАЛЬНОСТЬ

Уселся в очередь среди беременных с огромными животами. Я был словно в тумане, в каком-то ватном оцепенении, и только изредка покалывающее удивление — зачем я здесь? — возвращало меня в реальность.

Когда вошел в кабинет, объяснил, мол, жена в командировке, очень волнуется за результаты анализов, скажите их мне... Без особого труда уговорил докторшу нарушить врачебную тайну. «Не волнуйтесь, — утешила она меня. — Такой-то триместр (то ли первый, то ли второй, не помню) беременности у вашей жены проходит хорошо!»...

Мой туман рассеялся. Наступила жестокая ясность. Не было никакой командировки! Придя домой, я даже нашел Настин заграничный паспорт... Потом, конечно, снова были мольбы о прощении, но этого я уже простить не мог. Мне даже предлагалось допустить вероятность, что ребенок мой... Я попросил ее уйти. Она уехала к родителям. Но я оставил ей наш дом. Ей и ее семье. Родители потом предлагали мне денежную компенсацию, но я отказался. Ведь этот дом я строил не для себя. А я ...вошел в штопор. Начался мой личный ад.

3.

Огни

И ОСКОЛКИ

Праздник — маленькая репетиция счастья. Вырастая, мы вольны разувериться в новогодней бутафории, или в угоду близким продемонстрировать воодушевление, а на самом деле... впрочем, всегда есть третий путь — принцип удовольствия. Он начинается еще в конце 1970-х с настоящей елочной гирлянды. Настоящей — потому что такой не было больше ни у кого. Обычные были у многих, а такой не было. Ее сделал мой папа. Вадим Маркович. Будучи физиком, он своими руками смастерил релейную электрическую цепь с разноцветными маленькими лампочками, покрашенными лаком для ногтей, — красными, синими и зелеными. Это было чудом, учитывая, что лаки в те годы продавались только двух цветов — красного и прозрачно-белого, перламутрового. Чтобы получить цветной, требовалось в белый перламутровый лак выдавить пасту из чернильного стержня шариковой ручки, срезав с него грифель.

Но главным изобретением были огоньки. Они могли зажигаться и гореть в трех разных режимах: плавно включались и медленно угасали, мигали или включались и гасли волнообразно, в определенной последовательности. Ни у кого из моих знакомых в те годы не было такого...

...Ведь счастье — это не изобилие, а уникальность момента. Подарок твоей единственности — не в результате конкуренции или кропотливого труда, а просто так, по милости судьбы или Бога... или отца, что в детстве почти одно и то же.

Или Деда Мороза. Пока я жил с мамой, у нее, помню, на антресолях, в коробке с новогодними игрушками лежал тщательно упакованный полуметровый Дед Мороз в красной бархатной шубе и такой же шапке, запорошенной искристым снегом из слюды. Его подарил ей в 1959 году на пятидесятилетие мой дедушка Леня. С тех пор этот Дед Мороз ежегодно охраняет домашние новогодние елки. Сперва — мамыны, потом — наши, а теперь — и моих детей.

Как странно: у большинства моих друзей Новый год с детства ассоциируется с запахом апельсина, с мандаринами. У меня — нет. Даже сейчас от одних лишь воспоминаний у меня возникает стойкое ощущение запаха моих пыльных елочных игрушек. Стекланных и картонных, что хранятся теперь

в моем доме, куда они, пережив все переезды, пришли из маминого послевоенного детства. И теперь они лежат, как и много лет назад, в картонной коробке, укутанные несколькими слоями ваты: игрушки тридцатых-сороковых годов прошлого уже века. Пирамидки, шары, кружочки. Опасные — ими можно пораниться. И очень хрупкие — их легко раздавить ненароком.

Настоящее и любимое — может разбиться и ранить. Но всегда будет возвращаться — воспоминанием с привкусом крови из ранки. Когда не стало ни папы, ни мамы, как память о них у меня остались два стеклянных журавлика, подаренные им на свадьбу. Даже после развода мама хранила их. Хрупкие, прозрачные, трепетные стояли они, соприкасаясь тонкими шейками. Я часто смотрел на них. Только лет в пятнадцать мама впервые позволила мне взять их в руки — я осторожно подержал, рассмотрел, и, помню, от торжественности момента и переживаемой ответственности у меня даже ладони вспотели. Потом поставил на место.

Они стояли и в моем доме, пока уборщица не смахнула их тряпкой. Один разбился вдребезги, второй поломался. Во мне это отозвалось сильной болью, которой никто не понял. Никто не понимал, что они для меня значили, журавлики эти. Им сейчас лет по пятьдесят уже было бы. Горько и обидно. Очень. Я расстроился так, что даже говорить не мог ни с кем. Будто в них — души моих родителей жили, в журавликах этих, что с детства были со мной. Теперь один стоит, второго склеить не получилось. Как в жизни: сперва папа ушел — сначала от мамы, потом умер — тоже раньше мамы.

Утраты, поломки, потери — я всегда очень болезненно реагировал на них и долго переживал, если у меня что-то портилось или терялось. Но жить — значит, постоянно кого-то терять. Родных. Любимых. Друзей. Чтобы стать одиноким. Нет, одинокими не становятся — одинокими рождаются. Это уже потом мы обрастаем всякими связями и размышляем о них — радуемся им или тяготимся, утрачиваем их или поддерживаем. Они, как ветви упавшего дерева: царапают и не пускают вперед. А соберешься с силами — рубанешь и — в костер: горят, потрескивая. Греют. Радуют, протуберанцами устремляясь в небо. Запрокинешь голову, посмотришь на звезды и — всё становится правильным. И вдруг понимаешь: один. Один? Один! В целой Вселенной.

Но где-то в этой Вселенной все наши потери целы и невредимы. Потому что жизнь не вмещается в точку настоящего. Она — поток.

4.

Последнее лето

Моя мама, Наталья Леонидовна, умерла, когда мне было 25 лет. Может быть, теперь я начинаю идеализировать ее образ, но она была светлым источником моего «Я». Мой характер, мое мироощущение, психофизика моих отношений с миром — от нее.

Кроме любимой гирлянды, у нас было еще две — обыкновенная и красивая. Обыкновенная — та, что как у всех. А красивую мы с мамой купили в «Детском мире» — она была в виде прозрачных крупных снежинок с мерцающим светом внутри. О ней у меня сохранились двойственные воспоминания. Красивая, но колючая, она постоянно запутывалась. Всякий раз, прежде чем повесить ее на елку, приходилось долго распутывать тоненькие проводки, на каждом крепилась снежинка, внутри которой горело несколько разноцветных лампочек.

Обычное, чудесное и колючее — есть в разных пропорциях в природе и судьбе. Однажды летом, перед первым классом, папа взял меня с собой на Ахтубу. Мама осталась в Москве. В отпуск ехали человек пятнадцать — папины товарищи, коллеги и два его брата — родной и двоюродный. Остановились на берегу реки, в лесу. Разбили палаточный городок. И, понятное дело, никто не хотел портить себе отпуск всякими неожиданностями. Тут дядя Саша, родной папин брат, увидел маленькую сухопутную черепаху, поймал ее и дал мне. Я был счастлив! И хотел взять ее домой. Мы посадили черепаху в корбку, а ночью она убежала.

Я проснулся на рассвете, когда все спали, а папа с братом ловил рыбу. Вылез из палатки — проверить свое сокровище. Черепахи на месте не обнаружил и устроил истерику! Орал, как резаный! Всех разбудил — народ выскакивал из палаток, не понимая, что произошло такого ужасного. Испортил одним сон, другим рыбалку.

Папе было очень стыдно за меня. На совете решили отправить меня домой досрочно. Мне тоже стало очень стыдно, потому что повел я тогда себя, действительно, очень некрасиво. Я перед всеми извинился, и меня оставили. Но ту поездку на Ахтубу я запомнил очень хорошо. И вот почему...

Это была первая осознаваемая обида. Обида на ситуацию: черепаха сбежала, папа отругал, на совете застыдили. Потом

тетя Лариса, помню, печально так говорила: «Димочка, ты представь только, как же папе за тебя стыдно перед друзьями, перед коллегами...» — а сам папа сидел, обхватив голову руками.

Тетя Лариса... Это было последнее лето, когда мама с папой еще жили вместе, но уже знали, что расстанутся. Потому мама и не ездила с нами на Ахтубу — там была папина будущая жена.

Лариса Ивановна так навсегда и осталась для меня тетей Ларисой. Я познакомился с ней, когда мне было пять лет. Мы с папой приехали на каток на Чистых прудах и пошли кататься. К нам подошла какая-то женщина — я не придал этому особого значения. Они начали о чем-то разговаривать, стояли — общались. Я вокруг них катался. Так состоялась первая встреча, и я бы о ней не вспомнил, если бы спустя много лет тетя Лариса не напомнила.

Много лет... это привычное клише звучит совсем иначе, если мы наполняем его прожитым опытом. Много лет-кинолент, которые запечатлевают череду лиц, судеб и характеров. Близких, главных и эпизодических героев нашей истории и то, как менялись наши отношения с ними. Или оставались неизменными. А еще есть те, кого мы совсем не ждем в своем сюжете, но они входят в него без нашего ведома и своей неоднозначностью меняют нас. Ведь река жизни всегда выходит из задуманных берегов...

Потом, после той встречи, когда мне было шесть лет и мы с папой поехали на Ахтубу, произошло уже полноценное знакомство с тетей Ларисой. Там папа уже был с ней. И, наверное, сейчас, вспоминая это, подсознательно, я все же думаю, как это могло на мне отразиться? Даже в голове не укладывается!

Конечно, травму мне, шестилетнему, нанесла совсем не черепаха...

Наверное, взрослые мало думают о детях, когда дело касается их личных отношений. Или считают, что те не поймут?

Вернулись в Москву — и через пару дней папа уходит. Я помню тот момент, когда мама плачет, а папа собирает вещи. Я стою — смотрю на все на это и спрашиваю маму, куда папа уходит. Мама сквозь слезы говорит, что папа будет жить в другом месте, потому что ему оттуда удобнее ездить на работу. Вот так папа и уехал.

Какое-то время он еще продолжал к нам ездить, потом мы вместе с ним ездили к нему домой, где он жил с Ларисой Ивановной, через полгода-год наступил момент, когда мама стала отпускать меня к нему одного. На Николаямскую — Ульяновскую улицу, тогда она так называлась.

Я даже к нему ездил и жил там, оставаясь с ними, когда мама уезжала в командировки. Как-то раз он спросил: «Хочешь жить с нами?» Здесь надо сказать, что я очень хотел собаку, и папа знал об этом, а потому добавил: «Заведем собаку».

Очень отчетливо помню, что я подумал тогда: «Как же папа так может? Как может он пытаться меня подкупить такими вещами?» Мне было девять лет, и я впервые допустил такую мысль о папе, что он поступает непорядочно, предлагая мне такие вещи. Я жестко ответил: «Нет, я маму никогда не брошу!» — и папа больше не возвращался к этой теме.

...А в новом доме, который я строил, спасаясь от тоски и саморазрушения, было запроектировано все, кроме детских спален. Единственная женщина, которая спросила меня о них, была моя будущая жена Таня. Но тогда я и представить не мог, что снова женюсь, и не рассматривал ни одну женщину в качестве жены. Мой мозг включил «аварийный» режим и даже не допускал вариант, что это может повториться. Я медленно и тяжело выходил из дьявольского наваждения.

После развода с Настей у меня начал развиваться страх, что я не могу иметь детей. И страх этот обрел жуткие формы. До сих пор не могу понять, что было со мной. Наверное, чистой воды психосоматика, но, услышав свою историю из чужих уст, я бы никогда в нее не поверил.

А началось все с того, что я... сделал анализы. Так, на всякий случай. Чтобы ответить на мучивший меня вопрос, почему моя первая жена забеременела не от меня. Может, что-то со мной не так? Оказалось, все в пределах нормы. Хотя неидеально. И вот эта неидеальность начала подтачивать мою уверенность в себе. Казалось бы, для полноценной жизни вовсе не требуется здоровье космонавта. Но во мне засел и начал расти неконтролируемый страх того, что в моем теле все же есть какой-то дефект. Я начал сдавать анализы каждые два месяца. И они стали ухудшаться! Что, конечно, катастрофически усилило мой невроз. Он начал проявляться уже на физическом уровне — у меня начались изнуряющие боли в нижней части живота. Из здорового полного сил человека я на глазах превращался в пациента, которым полностью завладел недуг. Я больше не мог ни о чем думать. И не придумал ничего лучше, как... криоконсервация для продолжения рода. В прежние времена такой шаг был бы для меня дикостью. Но теперь я руководствовался совсем иной логикой и не узнавал самого себя. А одна врач удивленно переспросила, мол, правда ли ваши анализы когда-то были нормальными... И как я мог ей объяснить, что они были таковыми всего год назад! Теперь же вся моя жизнь была ненормальной. Я должен был выкарабкаться из этого кошмара. Прежде всего — психического! Ведь я еще не окончательно сошел с ума и понимал, что первопричина кроется в психике. Просто от этого

задача не становилась легче. Это ведь только дружественным, но поверхностным советчикам кажется, что все наши проблемы рассасываются от магической установки «перестань думать о белой обезьяне». «Успокойся... отдохни... расслабься» — эти клише преследуют любого из нас. Но они не работают. Тем более, если мы не понимаем причины происходящего. Глубинной первопричины.

Об этой проблеме знали мои близкие друзья. Но по большому счету я был один на один со своей химерой. И я проваливался в воспоминания. Которые могли навести на след...

Не снимая часов

Мои первые воспоминания об отце относятся примерно к трехлетнему возрасту. Я любил по утрам в выходные забираться в родительскую постель и пристраиваться к кому-нибудь из них «под бочок». Поскольку мама с папой спали, и беседовать со мной никто не собирался, очень быстро мне становилось скучно, и я начинал крутиться. Когда родители пускали меня в кровать, они всегда говорили: «Лежи смирно!», чтобы, залезая к ним, когда они спят, я их не будил. И я терпел, как мог. И вот мне начинало казаться, что прошла целая вечность. Я потихоньку начинал ворочаться. Папа говорил: «Проснулся? Выспался? Дай и нам выспаться! Тихо. Лежи тихо». Но это не помогало, и он молча и красиво поднимал руку — почему-то папа спал, не снимая часов, — смотрел на них и тихим голосом констатировал: «Тридцать секунд».

Смешно было.

Я никогда не давал им поспать.

Папин уход из семьи был для меня абсолютно неожиданным. То лето далекого 1981 года было для меня не только последним в дошкольном детстве — осенью я пошел в первый класс, — оно оказалось еще и насыщенным уже недетскими впечатлениями и переживаниями. Мама с папой развелись. Расставание родителей я перенес легко. Или мне это только теперь так кажется? Как я уже говорил, я помню ту минуту, когда папа собрал вещи и, стоя посреди комнаты, медленно так сказал: «После четырнадцати лет совместной жизни даже взять нечего». Я спросил маму:

— А куда папа собирается?

Почему я у него не спросил? Не знаю. А мама ответила:

— Папа едет жить в другое место. — Я опять спросил: «Почему?»

— Потому что ему оттуда будет удобнее ездить на работу, — ответила мама.

С того дня папа стал приезжать ко мне каждый день. Он приезжал после работы. Но никогда не оставался у нас ночевать. А я ничего не понимал. Не понимал, что отец ушел от нас. И осадка на душе не было. Мне было тогда шесть лет. И все-таки осознание того, что он ушел, было. Но раньше, года в три-

Я ЛЮБИЛ ПО УТРАМ В ВЫХОДНЫЕ ЗАБИРАТЬСЯ
В РОДИТЕЛЬСКУЮ ПОСТЕЛЬ И ПРИСТРАИВАТЬСЯ
К МАМЕ ИЛИ ПАПЕ «ПОД БОЧОК»...

четыре. Я чувствовал это. Видимо, мне передавалось мамино состояние. Да, передавалось. Ведь у папы уже были отношения с тетей Ларисой. В тот вечер папа собрался уходить, как сейчас принято говорить, «де юре», «де факто» его с нами уже не было.

В выходные он нередко забирал меня к себе, и иногда я оставался у него на ночь. Конечно, у него случались выпады против мамы. Как правило, он говорил нечто вроде «А это мама тебе опять разрешила?» и при этом все время закатывал глаза и вздыхал.

Помню, в один из моих визитов к ним с тетей Ларисой, я сидел, расстроенный, на краю ванны. Мне тогда исполнилось лет девять-десять. Папа не мог понять, в чем дело. Тогда я задал ему первый взрослый вопрос: «Папа, почему ты нас бросил?» Поднял на него глаза и спросил. Папа проникся и тихо ответил, тоже глядя мне в глаза: «Разве я тебя бросил? Я не бросил». И все. Больше мы к этой теме не возвращались. Так состоялся наш первый мужской разговор. Он был коротким.

Тогда я еще не знал, что скоро папы не станет. У него была недоразвитая почка. Это врожденный недуг, но он узнал о нем в 25 лет. Ему тогда и сообщили, что проживет он лет до сорока, а потом необходима операция. Исход которой неизвестен. В то время было так...

Помню, когда мне было одиннадцать лет, мы с папой и его новой женой, тетей Ларисой, ездили на машине в Прибалтику: Светлогорск, Паланга, Клайпеда... Тогда я нашел в море янтарь. Где он сейчас? Не знаю.

Сейчас я думаю, что папа понимал, что это поездка последняя, и очень переживал о том, чтобы она мне запомнилась.

При всей его интеллигентности папа запомнился мне как человек достаточно строгий и жесткий. Он всегда был очень сдержанным — на эмоции, на слова, и при этом — с прекрасным чувством юмора, душа компании. Я никогда не видел папу, например, пляшущим или прыгающим. И не помню, чтобы кто-нибудь мне об этом рассказывал. Знаю, что папу все уважали.

Я никогда не предполагал, что ему угрожало. Мне ничего не рассказывали — я был маленьким. Я не знал про операцию.

Последние месяцы своей жизни он не выходил из больницы, и мы с ним не виделись. Поэтому он даже не поздравил меня с днем рождения. Он умер в феврале 1987-го, а виделись мы с ним в последний раз в декабре 1986-го года, когда он неожиданно, без предварительного звонка приехал вечером ко мне на Мархлевку. Я открыл дверь — он даже не стал проходить в квартиру. Встал в дверях и протянул мне подарок — аудиокассету с походными песнями типа «Солнышко лесное».

Он понимал, что в последний раз видит ребенка. Мне было двенадцать лет...

А я, помню, очень расстроился, что папа не приехал на сам день рождения, что и теперь не проходит и не снимает пальто. Я стоял напротив него расстроенный, держа в руках кассету, и едва не плакал.

Тогда папа приезжал в последний раз. Он пробыл со мной несколько минут, может пять, не больше. Мы разговаривали очень недолго, и папа сказал одну фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «Будь честным, порядочным, справедливым». Эти его слова, которые папа мне тогда сказал, в момент нашей последней с ним встречи, я считаю самыми значимыми.

Потом я узнал — мне рассказали, что уже тогда он не мог ходить и очень плохо себя чувствовал, что ко мне приехал из больницы, накануне операции, после которой — он это все знал — он или выживет или умрет.

О том, что папы не стало, я узнал от мамы. Она сказала: «Папа умер». Правда, позже мама говорила: «Я не была тогда уверена, что тебе это надо было сообщать, и до сих пор сомневаюсь, что поступила правильно». Как оказалось, мнения родственников на этот счет разделились: я был еще маленьким, и взрослые думали, что лучше будет сказать мне об этом позже. Мама решила сказать сразу, потому что посчитала, что я имею право знать. И правильно сделала.

Зная себя, я могу сказать точно, что стал бы совсем другим человеком, если бы не испытания. Имея более комфортные стартовые условия, я не имел бы стимула к созиданию. Если бы у меня не было нужды зарабатывать с ранней юности, я бы не занялся бизнесом и не создал бы свое дело. От природы я довольно ленив и не стремлюсь что-то менять. И вообще без сложностей у меня все получается хуже!

Мой первый брак и развод, обернувшийся для меня катастрофой, тем не менее многое мне объяснили в человеческой природе. И в семейных отношениях, конечно, тоже. Но я еще долго не мог понять, почему мной до такой степени завладел страх. Тогда, находясь в эпицентре отчаяния, я не задумывался о том, что психосоматическая травма усугубляется, когда потрясение в настоящем находит свою почву в истории семьи. Я только начинал анализировать происходящее. Да и семейной истории толком не знал. На многие вопросы у меня ответа не было, хотя сознательно ли, подспудно — я уже задавал их себе. Например, я не знал, почему у папы во втором браке не было детей. Пока я был ребенком и папа еще был жив, мне этот вопрос не приходил в голову. Я был его единственным любимым сыном, и это казалось мне самым естественным положением вещей. А потом, когда сам мучительно задумался о своей способности иметь детей, — спросить было не у кого. Тревожить тетю Ларису этой темой, тем более касаться своей истории — этого я допустить не мог. Хотя и сохранял с ней очень теплые отношения. Она мне рассказала все сама — незадолго до своей смерти. О том, что у нее мог родиться ребенок от папы. Но папа, помня о своем диагнозе, не захотел, чтобы он рос без него. И тете Ларисе пришлось сделать аборт. Для нее это решение было очень болезненным. А потом... наши отношения развивались так, что родного ребенка заменил ей я. Но об этом позже.

Я не приверженец мистики, но соглашусь с тем, что в критические моменты жизни в человеке активизируется древнее магическое сознание. И тогда причинно-следственные связи видятся ему совершенно иначе, чем на «трезвую» голову. Порой это помогает даже самым что ни на есть рациональным натурам, как говорится, приподняться над схваткой. Увидеть

иные течения жизни, которые запускают резервные силы организма. Пусть по неведомым нам законам... Если бы я был мистиком, я не преминул бы рассмотреть кармические причины своего невесть откуда взявшегося недуга. Мой отец не позволил родиться новой ветви своего рода. Не разрешил стать матерью женщине, которую любил. И дело не в том, что его причины были вполне благовидны и понятны — ведь с точки зрения эволюции нет «плохих» и «хороших» причин. Дело в том, что из-за его решения моя генетическая память могла сработать мне во вред. Ведь у продолжения рода своя логика: если предок не хотел размножаться, значит, пускай не размножаются его потомки... А если другими словами, то мой отец совершил, казалось бы, очень разумный и рациональный поступок, за который мне пришлось расплатиться абсолютно иррациональной болезнью-наваждением... Ведь она даже закончилась так же внезапно, как началась! И совершенно необъяснимо с точки зрения традиционной медицины.

До сих пор не понимаю, что с нами тогда происходило! Мы с Таней ездили в Швейцарию, там ее обследовали для того, чтобы подготовить к ЭКО. Выяснилось, что Тане нельзя делать ЭКО по состоянию здоровья. Вначале ей была показана операция, которую и сделали в Москве... Но это была лишь часть испытаний, и кстати, Таня выносила их терпеливо и достойно — еще и меня умудрялась поддерживать! Хотя она прекрасно знала, что путь к экстракорпоральному оплодотворению — долгий и порой очень болезненный. Мы закупили препараты, необходимые для этого, и уже морально готовились приступить к приему кучи лекарств — но подсознательно это все время откладывали. Схему ведь нельзя бросить на полпути, препараты гормональные, дозировки строго рассчитаны... Для организма это и так большой стресс, а если еще бросить на полпути, не достигнув цели, то это и вовсе будет издевательством над женской природой. Словом, чем больше мы старались приблизиться к своей цели, тем больше помех возникало. Судьба словно отводила нас от чужой колеи. Мы так долго шли к нашей первой беременности, и этот опыт совместного испытания очень важен для нашей семейной истории. Человек, с которым ты был и в горе, и в радости... наверное, лучше не скажешь, — именно с ним ты обретаешь свое истинное «я».

Я, конечно, не раз слышал о том, в какую драму превращается желание и неудачные попытки родить ребенка. Наверное, природа, используя наш основной инстинкт, учит нас умению применить даосские принципы бытия. Рождение ребенка — идеальное подтверждение восточной мудрости: если ты идешь

к цели, и твоя цель находится бесконечно далеко от тебя, повернись к ней спиной — и ты увидишь ее перед собой.

Параллельно со всеми нашими мытарствами мой друг Андрей нашел мне уролога. Дмитрия Петровича. Который, кстати, сразу сказал, что никакое ЭКО нам не нужно и все у нас получится естественным путем! И в этом тоже была явная мистическая нота, спасающая нас от неправильных шагов... Хотя услышал ли я ее тогда? Сначала я только отмахнулся — не было сил, чтобы вновь проходить медицинские экзекуции. Но Андрюха — спасибо ему! — был настойчив и решил пойти окольными путями. И вот однажды этот доктор, которого я еще в глаза не видел, позвонил мне сам. И пригласил... посидеть в ресторане! Я, мягко говоря, удивился такому «креативному» подходу к лечению. И понял, что сопротивляться дальше бессмысленно. Я, смутившись, сказал, что просто приду к нему на прием. А сам, конечно, продолжал сомневаться. И отправился на прием неохотно. Но его подход оказался именно тем, что мне требовалось! Его лечение в основном состояло из... разговоров. В основе которых, конечно, была психотерапия. Но я не слишком об этом задумывался тогда. Я впервые за долгое время почувствовал благотворное влияние медицины. Хотя невроз еще долго не выпускал меня из своих цепких лап. И как только в моих анализах наметились положительные сдвиги, я, как одержимый, пытался контролировать результаты, которые выпытывал у бедных лаборантов. Хотя мой доктор был категорически против этого!

И вот однажды от него поступило неожиданное предложение — поехать в Италию. А точнее — в город Бибионе, который находится в 30 км от Венеции. Там в 1970-х годах был построен курорт, но о нем еще не прознали туристы, и туда ездят одни итальянцы. Это красивейшее место с гейзерами и вулканическими ваннами, а рядом — легендарная Венеция! Все это напоминало французский роман... И снова Дмитрий Петрович удивил меня своим креативом. Поехать с доктором отдыхать — такого я еще не делал! И тогда я подумал: ну, если я никогда этого не делал, значит, надо попробовать. Честно говоря, мне это абсолютно не свойственно. Да и знали мы друг друга тогда совсем мало.

Мы поехали вчетвером — Дмитрий Петрович с супругой, Таня и я. Повторюсь, слово «жена» я тогда вытравил из своего лексикона. Мы просто были вместе. После развода со мной было всякое. Я, что называется, «прошелся по бабам» — с прыжками в реку, с шампанским из люка машины. Потом, когда я уgomонился, начали появляться подруги, претендующие на

прочные отношения, но это оказывалось лишь заполнением эфира. Возможно, я даже опасался внимания женщин к себе, хотя никогда особо на нем не заикливался. Я уже знал, что все эффектное, броское, манкое — преходяще. Фейерверки приятны на вкус, но послевкусие бывает отвратительным. Как бы ни было хорошо с женщиной, последствия могут быть непредсказуемы. И когда в моей жизни появилась Таня, я сознательно не строил никаких планов.

А в Италии было не просто хорошо, а сказочно! Я наконец-то смог отвлечься от преследующего меня кошмара. Я жил, дышал, любил. Днем мы проходили разные лечебные процедуры, а вечером ужинали вместе с доктором, пили вино и курили сигары... Вдвоем с Таней мы провели несколько дней в самой Венеции, уединившись в одном из самых старых отелей города. Этот отель четырнадцатого века был пропитан духом и энергетикой прошедших веков. Вечерами мы ходили на концерты классической музыки. Инструменты, на которых играли музыканты, были созданы руками самых известных мастеров, таких как Амати и Страдивари. А когда мы вернулись, Таня оказалась беременной! Италия сотворила чудо.

Кстати, в некоторых странах на заводах по переработке отходов включают классическую музыку. Объяснение этому простое: заметили, что во время звучания музыки Моцарта, Бетховена и еще ряда композиторов бактерии начинают делиться и двигаться быстрее, что усиливает процессы, необходимые при переработке.

А после нашего возвращения последовала череда совпадений. Когда родилась Катенька, наша дочь, доктор, принимавший роды, обронил: «Вылитая Анжелина Джоли!» Это можно было счесть дежурным комплиментом, но штука в том, что в том путешествии, откуда мы «привезли» Катю, мы с Таней жили в том же отеле, что и герои фильма «Турист», где играет упомянутая кинозвезда. Но Бог с ней, с Джоли. Мистика в том, что сразу после рождения Кати мои боли резко закончились. И я даже не сразу это заметил, что ставшие уже привычными тягостные ощущения больше не возвращаются... Такой у меня был счастливый стресс.

Когда через некоторое время мы по приглашению друзей снова поехали в Венецию — там проходила их свадьба, — то вернулись уже с нашим сыном Арсюшей. Так что можно сказать, что оба наших ребеночка с итальянско-венецианскими корнями.

Вероятно, интуиция и везение каким-то образом связаны друг с другом. Но у меня с ними прямого канала нет. Мой жизненный опыт не раз давал мне возможность в этом убедиться. Хотя везение — штука относительная и, вопреки распространенному мнению, ускользающая от определений. Мне, например, никогда не везло ни на биржах, ни в каких бы то ни было быстрых деньгах. Когда я соблазнялся такими вариантами, что изредка бывало под влиянием более удачливых коллег, — ничего не получалось. Как я уже говорил, мне лучше сразу найти сложный путь и спокойно следовать ему. Вот тогда я достигаю своей цели.

Разумеется, я знаю, что есть совершенно другие натуры, а лучше сказать — другие пружины в машинерии судьбы, которые я пока не сумел нащупать. Есть люди, у которых работает пресловутая чуйка, и бизнесмены, которые ощущают запах денег... Однако насколько я знаю, большей частью это свойственно тем, кто гонится за «горячими пирожками», кого интересует прежде всего прибыль, а не творческий, созидательный мотив. Отсутствие сиюминутной наживы для них — поражение. Но у таких предпринимателей быстрые подъемы — и столь же быстрые спады. А я медленно, но верно расту...

Что же касается интуиции, то я до сих пор плохо разбираюсь в людях. Сужу о них, даже при приеме на работу, не по профессиональным качествам. И вне деловых отношений я тоже часто ошибаюсь. Это свойство вплетается и в мою личную историю — странно было бы это отрицать. Кто знает, быть может, последовавшие за нашим с Настей разводом потрясения были своеобразным предостережением, благодаря которому со мной не случилось чего-то более травмирующего или непоправимого. Если человек резко оказывается выбитым из зоны комфорта, на то всегда есть причины. Не исключено, что в моем случае это было сигналом SOS — остановись! Одна ошибка в выборе близкого человека может стать шокирующим, но полезным опытом. Но системная ошибка может привести к трагедии. И, к сожалению, человек склонен наступать на одни и те же грабли...

Хотя... теперь я понимаю, что в любой ситуации важно сохранить способность не драматизировать, а анализировать.

Я влюбился во втором классе. Была осень. Выходной.
И мы с одноклассницей Лерой ехали куда-то на метро.
Вдвоем. Стояли на эскалаторе. Лера – высокая и стройная
блондиночка с длинными волосами – оказалась
на ступеньку ниже. Я залюбовался, глядя на нее,
и спонтанно поцеловал в щеку. Она улыбнулась

Откопать корни, истоки нынешнего положения в своем прошлом, собрать пазл своего пути, порой парадоксальный, – именно это помогает изменить ориентиры и вовремя скорректировать направление. Был ли у меня когда-нибудь тип женщины, который особенно меня привлекал? Попытка ответа сразу приводит меня к воспоминанию о первой любви.

Я влюбился во втором классе. Была осень. Выходной. И мы с одноклассницей Лерой ехали куда-то на метро. Вдвоем. Стояли на эскалаторе. Лера – высокая и стройная блондиночка с длинными волосами – оказалась на ступеньку ниже. Я залюбовался, глядя на нее, и спонтанно поцеловал в щеку. Она улыбнулась.

Наши родители дружили, и потому с Лерой мы часто встречались вне школы. Она со своей мамой бывала у нас дома, я приходил к ней в гости.

Я был влюблен, но тогда еще не понимал, что это такое, и потому сейчас мне проще назвать то чувство и то отношение к ней привязанностью. Тем более что в начальных классах я дружил не только с мальчиками, но и со многими девочками тоже. Да и в средних классах, когда мы, мальчишки, пытались курить, девчонки тоже принимали в этом активное участие и бегали вместе с нами за угол школы. Пока у нас у всех не начался переходный возраст. Тогда юношеская дружба закончилась: лет с двенадцати у девочек стали появляться свои секреты, в ко-

торые мальчиков они не допускали. Девочки стали шептаться и секретничать, вести дневники, которые никому из нас не показывали, но сам факт демонстрировали очень активно. На этом фоне дружба, как в те годы я ее понимал, иссякла...

А с Лерой я встретился спустя много лет. Помню, приехал к ней домой, вскоре пришли какие-то ее знакомые — нам всем тогда было лет, наверное, по девятнадцать — двадцать. Я уже учился в институте. Вижу: странные товарищи, если не сказать мутные. Привезли с собой какой-то наркотик и, как у них это называлось, «зарядили баян»: растворили вещество в воде, нагревая в столовой ложке над горелкой, добавляя лимонный сок, чтобы не жгло вены. По очереди перетягивая друг другу жгутом руки, одной иглой ввели каждому по дозе. Предлагали и мне. Настойчиво предлагали. Пытались даже на «слабо» взять. Я, конечно, ни под какими уговорами не согласился, но не ушел исключительно из любопытства, — чтобы посмотреть, чем же у них дело закончится. И самое поразительное, что меня больше всего удивило, — они все были уверены, что они вовсе не наркоманы и таковыми никогда не станут! Они верили, что делают это из любопытства, из желания самовыражения и протеста. Или просто следуя какой-то, на мой взгляд, странной моде. Для меня же здесь все было очевидно. Как белый день.

С тех пор прошло лет двадцать, и тех парней, кажется, уже нет в живых. Но Лера! Я до сих пор не могу понять, что подвигло ее на ту странную дружбу. Но знаю, что драйв саморазрушения может казаться притягательным, особенно в молодости. И, что самое опасное, — неосознанно притягательным. Вероятно, образ Леры, хоть и неявно, повлиял на мои последующие, уже взрослые, влюбленности. Какой-то глубокий общий нерв, ускользающий от меня, был в моих историях. Но, если уж углубляться в тайный причинно-следственный рисунок судьбы, то для полноты и оживления картины нельзя не вспомнить неотразимую Аллу Борисовну.

С первого класса я занимался плаванием и музыкой. В бассейн меня возили родители или бабушка. Он находился далеко, в Доме пионеров в Лужниках. Где еще городскому мальчишке было учиться плавать? Конечно, в отпуске взрослые плескались со мной в воде, но плавать я не умел.

Помню, приехали мы на запись, и оказалось, что перед приемом от нас требуется пройти кое-какие испытания. Тренер выстроил всех желающих учиться плаванию в линейку, перед планкой вдоль «лягушатника», и скомандовал: «Кто в спецшколе учится — сделать шаг назад! Остальным оставаться на местах!» Я был скромным, конечно, ребенком, но не до такой степени, чтобы умолчать тот факт, что хожу во французскую спецшколу. Просто я тормознул в тот раз: скажи тренер сделать шаг вперед, я бы сделал, а тут не сориентировался вовремя и остался, а потом мне уже было неудобно выходить. И пока я рассуждал про себя, тренер спокойно продолжил: «А теперь те, кто сделал шаг назад, развернулись и шагом марш — вперед, в раздевалку — одеваться и домой!»

Как я понимаю, их отрубили из-за того, что в спецшколах нагрузки, действительно, были большими, и тренер это прекрасно знал, а тут еще и бассейн!

Так я остался в группе, но испытания на этом не закончились! Тренер скомандовал: «Встали на бортик. Руки вверх! Всем прыгать!»

Это было ужасно страшно и потому очень трудно, но научиться плавать мне хотелось сильно. Ничего не оставалось делать, как выполнять: зажмурил глаза — и сиганул в воду!

Однако успевать везде — и в школу ходить, и домашние задания делать, и в бассейне заниматься, и на музыку бегать (а это же не только специальность — игра на фортепиано, но и сольфеджио, и музыкальная литература, и композиция), а дома еще и эти задания выполнять — конечно, было тяжело. Поэтому в конце учебного года, в мае, родители решили забрать меня из бассейна — научился плавать, и хорошо! Так я действительно научился плавать. И теперь очень хорошо плаваю. Год отзанимался — хватило на всю жизнь!

А вот музыкальные занятия мне оставили.

САМА ТОГО НЕ ПОДОЗРЕВАЯ, АЛЛА БОРИСОВНА
СТАЛА ДЛЯ МЕНЯ ПЕРВЫМ СЕКСУАЛЬНЫМ ОБЪЕКТОМ,
БУДОРАЖАЩИМ МОЮ ДЕТСКУЮ, ТОГДА ЕЩЕ
НЕ ОСОЗНАВАЕМУЮ МНОЙ ЧУВСТВЕННОСТЬ

Преподавательница Алла Борисовна, конечно, была еще та штучка! Она, по тем-то временам всеобщего дефицита, одевалась только в «Березке», на занятия приходила всегда с маникюром, вся такая напудренная, в бусах и браслетах. Выглядела, как сейчас говорят, оч-чень сексуально. Вспомнилось: идет урок — я играю что-то, вдруг открывается дверь, и в класс входит ее подруга, учительница французского — из другой группы, не той, в которой я учился, — Тамара Петровна. И вкрадчиво так спрашивает:

— Ал, у тебя че-нить от сифилиса нет?

А Алла Борисовна преспокойно ей отвечает:

— Не, нету.

Судя по всему, она пофигисткой была редкостной, и интересовали ее только шмотки. Подруга печально повторила: «Нет? А, ну ладно» — и вышла. Единственной мыслью в моей голове на тот момент было — мимо клавиш не промахнуться. Интересно, что Алла с Тамарой даже не заподозрили, что я в курсе значения такого «взрослого» слова. Или им было все равно? Детская память — непревзойденный мастер эпизода.

А, может, от моей учительницы музыки исходил некий аромат благополучия, достатка или чего-то иного — то ли запретного, то ли недостижимого, но определенно волнительно-недостающего, и потому память выхватывала непривычные образы, слова, с нею связанные? Сама, вероятно, того

не подозревая, она стала для меня первым сексуальным объектом — будоражащим мою детскую, тогда еще не осознаваемую мной чувственность и страсть. Да, Алла Борисовна разбудила во мне первые сексуальные ощущения. Как сейчас перед глазами — ее руки с наманикюренными ноготочками, неотделимые в воспоминании от звона ее браслетов и цоканья ногтей по клавишам. Именно эти звуки на уроках музыки и этот образ сформировали во мне первые устойчивые эротические ощущения! А чего стоил аромат ее духов — «Клима», «Шанель» и «Диор» с запахом ландышей — в сочетании с пышным бюстом в неизменно полуоткрытом состоянии и лежащими на нем бусами! Вне сомнений, на этих занятиях я получал музыку с эротическим эффектом!

Есть ли связь между Аллой Борисовной, Лерой и Настей? На первый взгляд, абсолютно никакой. Но во всех троих была манкость чуждой мне природы. Меня привлекал именно тот тип женщины, который был мне противопоказан. И если бы не мое болезненное наваждение после развода, не мощная переоценка ценностей, которая произошла тогда, то, возможно, я и дальше совершал бы ту самую системную ошибку выбора, которая привела бы к настоящим потерям...

А другая тайная логика случайных совпадений, которую мы называем мистикой, привела меня к другой, всенародной Алле Борисовне. Как это было? Необходима небольшая предыстория.

Я еще в школе учился, классе в восьмом, наверное, когда в стране началась перестройка. Мы с мамой тогда питались одними кашами, а так хотелось чего-то вкусного поесть! Огромный кусок мяса. Или конфет шоколадных. Жизнь у нас несладкая была, впрочем, как у всех тогда. Вся эти «реформы», весь развал государства и экономики, инфляция — все перед моими глазами было. Катастрофу я осознал году, наверное, в 1988-89-м. Мне безумно жалко было мою маму: работала она в семье одна — в должности ведущего инженера. С середины 1990-х на ее предприятии перестали платить зарплату, а она все равно ездила на свою работу. И я понимал, насколько ей тогда было тяжело. Я был у мамы единственный сын, которого она безумно любила. Помогать нам было некому, поэтому, как только появилась возможность зарабатывать, я ею сразу и воспользовался. На первом курсе пошел работать — ухватился за первое, что подвернулось. Через маминих знакомых устроился сторожем — или, как сейчас говорят, охранником на базу грузовых машин. Работал и ночью, и днем — ходил, дубинкой размахивал да следил, чтобы бензин не сливали.

А после первого курса я нашел другую работу — более интересную и более денежную. Устроился на звукозаписывающую студию «Полиграм», ею тогда руководил папа Лены Зосимовой Борис Гурьевич. Сейчас об этом уже мало кто помнит, но Лена Зосимова была одной из первых ласточек русского шоу-бизнеса. Музыкальные данные у нее начисто отсутствовали, но папа, влиятельный продюсер и менеджер, сумел «раскрутить» ее, и она стала известна всей стране. Правда, ненадолго — ее очень быстро затмили другие продюсерские «полуфабрикаты». Я работал у Бориса Зосимова агентом в отделе продаж, где быстро нашел свою нишу. Познакомился с директором магазина «Мелодия», что на Новом Арбате, и начал таскать туда продукцию — кассеты, компакт-диски.

Вскоре было решено открыть там самый большой отдел «Полиграма» в России. Я связался с австрийской компанией,

которая занималась поставками оборудования для записи, и заказал у них аппаратуру. Придумал, где будет размещаться отдел, как он будет оформлен, какие будут договора — штук восемь их было, в том числе на лизинг оборудования. С юристом «Полиграма» и директором «Мелодии» я занимался этим год. Директриса души во мне не чаяла. Помню, накануне открытия отдела приехал весь такой, в костюме — ответственные за оформление магазина пьяные. Взял дрель в руки, влез на стремянку и стал сам вывески прикручивать.

А на открытие приезжала сама Алла Борисовна Пугачева. Но я ее не видел — меня даже не пригласили туда. Заплатили премию — 50 долларов.

И я ушел от них. Вообще ушел.

Easy come — easy go... Легко пришло — легко ушло. Быть может, то, что кажется нам судьбой, провидением, злым роком или счастливой случайностью, — следствие когда-то прочно усвоенного урока. Мы давно забыли, кто и зачем нам его преподавал. Да и сделал он это, скорее всего, ненамеренно, в силу натуры и сложившихся обстоятельств. И эта случайность породила в дальнейшем нашу личную закономерность.

Первый урок о легкости мне, 6-летнему, преподавал мой эксцентричный дядя Миша. Я помнил всегда, но не углублялся в философскую подоплеку. И тем более не связывал с руслом моей жизни. Урок, если его можно так назвать, был продолжением злополучного эпизода на Ахтубе во время поездки с папой и тетей Ларисой. Черепаша покинула меня, из-за чего я затеял скандал, но в тот же день, как только страсти поутихли, папин брат — двоюродный — дядя Миша принес мне еще одну, вторую черепаху, что вызвало легкое недоумение в лагере! Он поймал ее где-то и, пока сам занимался своими делами, привалил ее панцирь бревном, чтобы не убежала. Вскоре он увидел: черепаха поднялась на лапы, постепенно их вытягивая, и скинула с себя это бревно. Дядя Миша, понаблюдав за ней, не позволил черепахе сбежать и принес ее мне. Он рассказал о произошедшем, чем, конечно, очень удивил меня и заинтересовал. Утром, когда мы с дядей Мишей пошли проверить, обнаружили, что черепаха опять сбежала, но я уже понимал, почему — и обиды такой горькой, как в прошлый раз, у меня не возникло.

Вот, оказывается, какие они, эти черепахи сухопутные — коварные и хитрые!

Сейчас я думаю, что это взрослые относили черепаху на место — что в первый раз, что во второй. Но дело не в этом. Именно благодаря дяде Мише, который помог мне справиться с отчаянием... — талантливый чудаковатый, большой оригинал, ныне виолончелист с европейской известностью и отец шестерых детей, — я обрел нечто очень ценное и значимое в жизни — отношение к проблеме. Что легко приходит, так же легко может и уйти, а потом опять, легко ушло — легко пришло. В тот момент, когда я переживал свою потерю, а дядя Миша

А КАКОЙ У ПАПИНОЙ МАШИНЫ БЫЛ ЗАПАХ!
Я ЛОЖИЛСЯ НА СИДЕНЬЕ И НАСЛАЖДАЛСЯ, ВДЫХАЯ
АРОМАТ ЕЕ НОВЕНЬКОГО САЛОНА. И, КОНЕЧНО,
СРАЗУ ЗАБЫВАЛ О НЕПРИЯТНЫХ МИНУТАХ,
ПРОВЕДЕННЫХ В ДЕТСКОМ САДУ

принес мне другую черепаху — и мое горе сменилось радостью, мое подсознание зафиксировало простую формулу: иногда все гораздо проще, чем кажется. Легче и радостней, без трагедий, без надрыва, без страданий. Эта история заложила в мое подсознание зерно философского отношения к сложным жизненным ситуациям. На такой вот детской беде...

Важные вехи нашей истории мы проживаем еще раз — когда осознаем их роль в своей жизни. Бывает, что спасательный круг бросают с чужого корабля. И помогают не те, кому помог ты. А кто не называет цену — возможно, хочет получить все...

Нам не дано предугадать, — только понять впоследствии! — чей подарок окажется судьбоносным. Хитрая, так и не покоренная мной черепаха ползет вглубь моих воспоминаний — к самому первому и бесконечно счастливому подарку. Жаль, что он тоже утрачен безвозвратно. Я получил его, конечно, на Мархлевке. Это был мой день рождения. Мне тогда исполнилось четыре года — я очень хорошо это помню. Мамина сестра, тетя Нина, подарила мне самую настоящую — предел мечтаний всех мальчишек в возрасте лет, наверное, до двенадцати — машину с электрическим приводом руля! Она управлялась с пульт. Это на исходе 70-х годов! Восторг был! Помню, как я ее катал по паркетному полу у нас, на Мархлевке, в комнате, где мы жили. И в кухне! И в коридоре! А как она гудела! Капот открывался. Серого цвета была эта первая в моей жизни машина! Я тогда

даже подумал: «Надо же, какая у меня хорошая и добрая тётя. Такие дорогие подарки делает». Я даже спать ложился с этой машиной. И никаких сказок мне на ночь было не надо!

Со своим серым электроприводным автомобилем я был, конечно, крут! И во дворе, и в квартире. Возможно, именно благодаря этому подарку я на высоком эмоциональном подъеме постигал основные социальные законы, чувствуя себя более счастливым ребенком, а значит, и более уверенным, нежели другие дети: у меня было то, о чем они лишь мечтали, и я не жалел этой радости и для них, давая им поиграть с этой чудесной машиной.

Тонкая грань: только любимый ребенок, имея больше других, хочет быть дающим, а имея меньше — не стремится отнять... И в этом — насущная гармония мира. Прежде чем человек научится любить, ребенком он должен сам вдоволь насытиться любовью, и лишь после этого сможет поделиться ею с другими.

И другой автомобиль... тоже «мой первый». Я тогда стоял, как прилипший, к ограде своего детского сада. Мои друзья Юрки — Юра Макарьян и Юра Рудаков — все тащили меня куда-то поиграть — в войнушку, что ли... А я смотрел из-за ограды на волю, ждал, когда же за мной придут. И вдруг воспитательница Искра Викторовна говорит: «Димочка, посмотри-ка во-он туда? Видишь машину? А кто в ней едет и рукой тебе машет?» Я увидел новенькую темно-желтую машину — рванулся к ней и побежал, поскользнулся, упал — не заметил боли, поднялся и снова помчался вперед, к папе.

В тот день, это было в 1980 году, папа впервые приехал за мной на машине. ВАЗ 21-011 «Копейка» 3999 МНЯ — в люксовом исполнении, с ремнями безопасности сзади — была куплена за 7300 рублей. Папа долго копил на нее, но все равно пришлось занять. Недостающую сумму одолжила папина мама, бабушка Берта, поскольку очередь по записи, что существовала в те годы на приобретение особо дефицитных товаров через организации или профессиональные союзы, подошла раньше, чем семья смогла накопить.

Как же я радовался этому приобретению! Возможно, даже больше, чем сами родители. С машиной у нас началась какая-то особенная жизнь — мы перестали нервно следить за часами, чтобы куда-то не опоздать, у нас появилась свобода в передвижении и возможность спокойно перевозить что-то большое. А какой у этой машины был запах! Я ложился на сиденье и тащился, вдыхая аромат ее новенького салона! И, конечно, сразу же забывал о неприятных минутах, проведенных в садике.

Почему так происходило? Не знаю...

Знаю только, что быть счастливыми дети учатся у родителей. Чем больше мы помним про свою жизнь и свои желания — тем больше пользы приносим своим детям. Ранний опыт счастья — почти всегда вещественный, телесно ощутимый, витальный — великий источник для нашего «Я». Первопричина нашей безотчетной уверенности в счастливом исходе любой драмы. Это не оптимизм, а глубинная и нетронутая словом струна. И иногда, без видимой причины, мы чувствуем ее отзвук — ту самую легкость бытия, невыносимую, прекрасную и исцеляющую.

Легкость...

Больше всего я люблю блинчики с клубничным или малиновым вареньем и щи с квашеной капустой. Это бабушкино наследство. Она была вкусным фоном моего детства. Ее борщ всегда победит черепаховый суп. Щи, блинчики, дым ее папирос «Беломорканал», пасьянсы... Вкус моей первой аферы — тоже от бабушки.

Сколько ее помню, моя бабушка по материнской линии Ольга Сергеевна всегда курила «Беломор» прямо у себя в комнате. Там стоял круглый стол, сидя за которым она постоянно раскладывала пасьянс. Сбоку от стола была кровать, а за столом у окна — сервант. К слову, это окно выходило на нашу улицу, Мархлевского, а справа от окна на стене дома был приделан флагшток, куда в праздники водружался государственный флаг. Направо был виден кусочек улицы Кирова — теперь это Мясницкая, — по которой проходили праздничные шествия и демонстрации, и их можно было наблюдать, не выходя из дома, но для этого требовалось слегка подтягиваться на широком подоконнике, что было опасно. Поэтому мы всегда в праздники поутру спускались вниз, на улицу и смотрели — с мамой или бабушкой, с папой, с мальчишками — через оцепление.

Так вот, напротив серванта, на той же стороне, что и стол, тоже у окошка — стоял диван. Там, на этом диване, не выходя из комнаты, в бабушкином присутствии я регулярно ... курил за ее спиной.

А началось все с того, что мы с Аликом Куликовым — он ушел из нашей школы в шестом классе, не помню уже, почему, — и с другими мальчишками, примкнувшими к затее, лазили по чердакам и курили. То чай в газету свернем, то «стрельнем» сигаретку на улице. Постепенно я начал собирать коллекцию сигарет. Это было, наверное, в шестом или седьмом классе. Решил, что самым правильным местом для ее хранения будет шкаф соседа, что стоял в общем коридоре. Сосед им все равно никогда не пользовался, и я, среди его коробок наверху шкафа, проделал туннель, куда складировал свои запасы, как хомяк, прикрывая тоннель коробочкой. Коллекция росла и пополнялась. Что-то я сам покупал на карманные деньги — сигаретами торговали в киоске на улице, недалеко от дома, и иногда бабушка

писала записочки, чтобы мне продали для нее папиросы, а я просил еще «и для соседа» — продавали... Иногда я шел «на удачу» и покупал с выручки от бутылок, которые валялись на улице. Пачка обходилась в одну — две бутылки. Иногда дарил кто-нибудь. В момент кульминации моя коллекция насчитывала около двадцати разных пачек.

Каждый день я залезал на тот шкаф, где был у меня тайник, размышляя, какую же мне сигаретку сегодня покурить — каждый день я курил разные. Вытаскивал одну. Аккуратно все маскировал и, в предвкушении, шел к бабушке. Как правило, все это безобразие творилось между двумя часами дня и шестью вечера — после школы и после обеда. Я располагался на диване, у окна — бабушка оказывалась ко мне спиной, когда садилась за стол и начинала раскладывать пасьянс. Поскольку в это время она никогда не оборачивалась, лучшей возможности для моей шалости было не придумать!

У нас начиналась милая беседа. Бабушка закуривала — закуривал и я. Пару раз она спросила, а чего это я за ее спиной сижу, на что я ответил: тут, дескать, окошечко, и я в него смотрю. А когда мама спрашивала, отчего я сигаретами пропах, я говорил, что был у бабушки. Так целый год по одной сигаретке в день дома курил, и никто меня не поймал. После того, как мы с друзьями пытались в туалете прятаться, я понял, что нет ничего надежнее, чем курить в комнате у моей родной бабушки! Через год, правда, совесть меня замучила, что курю и обманываю, — я взял свое богатство, отнес на черную лестницу и сжег все! С тех пор не курил долго и, глядя на курящих за школой, думал: «Вот дети!»

Я снова закурил в институте и курил лет семь, потом бросил и с тех пор не курю. Правда, перед маминой смертью, понимая, что это уже конец, я все же выкурил сигарету.

С самого раннего детства я не люблю насилие и казенные учреждения. Вот уж это точно не мое!

...Меня отдали в ведомственный детсад для детей физиков. Каждое утро мама будила меня часов в шесть — я вставал со скрипом и, конечно, хронически не высыпался. В семь мы с папой уже должны были выходить. Сад находился рядом с папиной работой и поэтому меня всегда отводил папа, он же и забирал вечером — это было удобно. Дорога от дома на Мархлевке до садика и до папиной работы — они находились недалеко друг от друга, на станции метро «Профсоюзная» — занимала час. К восьми и мне, и папе уже надо было быть, как говорится, на местах.

Воспитательницы, Нина Викторовна и Искра Викторовна, имели свой взгляд на вопрос воспитания детей, что оставило до сих пор неизгладимые кратеры воспоминаний. Впрочем, Искра Викторовна была еще ничего, а вот Нина — просто жуть! До конца дней своих мне не забыть ни ее, ни манную кашу — холодную, с комочками, которую Нина Викторовна засовывала мне в рот огромными ложками... Из тарелки вынь ее ложкой — она, как замазка, так и останется в той же форме, хоть кидайся ею. Я давился, плакал, глотал эти комочки, вперемишку со слезами и соплями, и чувствовал себя морально сломленным, несчастным, униженным. Возможно, манная каша — очень даже полезный с точки зрения питательной ценности продукт, но детсадовскую есть было совершенно невозможно! А дома мама очень вкусно готовила...

Особенно меня радовало, когда она готовила на ужин картошку — разогревала на сковороде уже отваренную и разбивала в нее яйца! Еще мама иногда заранее выкладывала в тарелку мороженое и ставила его на батарею, чтобы оно успело размякнуть ровно к восьми часам сорока пяти минутам, когда по телевизору начиналась трансляция «моей» передачи «Спокойной ночи, малыши!». Ее вели Татьяна Веденеева — тетя Таня и ее помощники: Хрюша, Филя и Степашка. Лично мне больше всех нравился Хрюша: типичный такой троечник, но очень, я бы сказал, креативный, пытливый и любознательный. Он вечно что-то пробовал, за все брался без долгих раздумий,

НАВЕРНОЕ, МАННАЯ КАША – ОЧЕНЬ ДАЖЕ ПОЛЕЗНЫЙ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПИТАТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ПРОДУКТ,
НО ДЕТСАДОВСКУЮ ЕСТЬ БЫЛО СОВЕРШЕННО
НЕВОЗМОЖНО!

испытывал, экспериментировал! Но ничего-то из его затей не получалось, и потому все остальные, вместе с тетей Таней, то и дело учили его уму-разуму и тому, как надо жить. Так вот, после ужина, перед сном, мне позволялось смотреть эту передачу и есть мороженое – я балдел!

Это было такое дисциплинарное послабление, которое наполняло меня счастьем и покоем, умиротворением от уверенного осознания того, что моя семья – мои мама и папа – меня любят и будут любить всегда. Эти минуты семейного уюта полностью компенсировали мне все тревоги и перипетии дня. Иногда я засыпал, не досмотрев «свою» передачу, и папа переносил меня с дивана, напротив которого стоял телевизор, в мою кроватку. В девять вечера я уже спал. А утром все начиналось снова: в шесть мама будила меня, в семь мы выходили с папой из дома и ехали на «Профсоюзную», где папа оставлял меня в детском садике и, как только он разворачивался, чтобы уйти, я начинал плакать. Тут подключалась Нина Викторовна со своей кашей – и понесло-о-ось!

Я очень плохо переносил оторванность от родителей. Отсюда же мое корневое неприятие армии. Так сложилось – не без папиного влияния, хотя это может показаться странным. Папы не стало 23 февраля, что, конечно, не обязательно толковать как-то особо. Но именно он всегда убеждал меня, что армия – не мое и что мне служить не надо. А лет с пятнадцати

у меня началось серьезное осмысление этого вопроса. Я прочитал знаменитую повесть «Сто дней до приказа», что тоже заронило свое зерно. Я понял, что соприкасаться с мрачной тюремной дедовщиной мне категорически не хочется. Можно возразить — а кому хочется?! Но жесткость выбора у каждого своя. У меня она была стопроцентная.

При этом я понимал, что силовых взаимодействий в этом мире не избежать. Более того, на определенном этапе они были мне необходимы. Учился у нас в школе некий Максим. Наверное, класса со второго до шестого-седьмого он был грозой школы, пока его не выгнали! А с четырнадцати уже не просто состоял в какой-то хулиганской группировке, но и был ее лидером. Друзья его, с которыми он ходил ночами по округе, дубасили всех, кого на улице встретят. Хулиган и задира, он был не по годам созревший и дрался, конечно, лучше большинства из нас. Многие парни избегали с ним связываться, а я всегда отвечал на его выпады и всегда дрался. Сказать, что я не боялся его, я не могу — боялся, потому что и дрался хуже, да и не любил этого. Вопрос был в другом — я не мог себе позволить не ответить, чувствуя, что иначе во мне что-то пойдет не так. Видимо, физическую боль мне было переносить легче, чем моральную. И это тоже был выбор. Трудный, но значимый.

Смешно, но доходило даже до того, что мы уже не просто дрались с ним, а еще между делом вели беседы. Кстати, лет восемь назад я слышал, что Максим стал милиционером! А потом еще и в партию вступил, в ЛДПР. Вот уж воистину, неисповедимы пути господни...

Но могу сказать одно: в этих драках присутствовала моя свобода воли. Мне было страшно и больно, но это был мой путь, а не тягостная необходимость сопротивляться или быть раздавленным системой. С того момента, как я окончил школу, армия повисла надо мной, как дамоклов меч. Сначала была отсрочка благодаря учебе в институте. Но военной кафедры в нашем историко-архивном не было, поэтому через пять лет вопрос стал актуален вновь. Я стал прокручивать в голове всевозможные варианты. Помогли мне мама и тетя Лариса — после папиной смерти мы сохранили с ней дружеские отношения. Мама сделала так, чтобы я числился единственным кормильцем в семье, что давало очередную отсрочку от армии. Тетя Лариса через папиных друзей устроила меня в институт теоретической и экспериментальной физики. Она упростила папину бывшего начальника взять меня на работу, где сотруднику предоставляется бронь, если он после получения образования идет работать по специальности. Поскольку по диплому я —

информатик-технолог, меня оформили инженером-программистом в отдел «Медпучок», где работал папа.

Сотрудники этого отдела обслуживали ускоритель заряженных частиц, с помощью которого лечили онкологических больных. Название отдела подразумевало тот самый пучок электронов, которым воздействовали на злокачественную опухоль, локализуя ее. Чтобы пучок абсолютно точно попадал в цель, не задевая здоровые клетки, его направляли под различным углом. А для этого необходимо было постоянно поворачивать кресло, в котором сидел пациент, безошибочно задавая ему нужное положение. Программированием работы кресла и занимался мой папа. Это была ответственная миссия, в которой нельзя было допустить ни малейшей ошибки...

Так мама с тетей Ларисой помогли мне, и у меня опять была отсрочка от службы в армии. Когда мама умерла, я перестал быть единственным кормильцем. Однако «соломку» приготовил заранее: придумал себе аллергическую астму, и каждые два месяца исправно посещал врачей. Если бы меня уволили с работы — автоматически запустилась бы эта отсрочка. Правда, в результате она мне не пригодилась. Так и продолжалось до 27 лет.

Могу с уверенностью сказать — мне всегда было интересно создавать. Я один из немногих в деловой сфере занимаюсь не продажами, а создаю собственный продукт — наша фирма строит офисные здания. Моя работа строится не по общепринятым законам бизнеса, потому что я вкладываю душу в процесс и хочу получить надежный результат. Я хочу знать, что созданные при моем непосредственном участии дома необходимы людям. При этом я никогда не мыслил себя наемным работником. Мне было бы скучно подчиняться чужим правилам и режимам. «В неволе» я был бы ленивым и непроизводительным. Словом, я не воин, а созидатель. И мне кажется, подавлять созидательный импульс всеобщей воинской обязанностью — непозволительная роскошь для нашей страны.

Водка, сникерс и грузинский чай

Сколько себя помню, с мамой у меня никогда не было скандалов. Наказывала — случалось! — за дело, но конфликта сына с матерью у нас никогда не было. Часто дети уходят из родительской семьи, обижаясь. С обидой остаются и покинутые родители. Но это не про меня, не про нас. Возможно, потому, что мама объясняла мне, всегда находя для этого время, где черное, а где белое. И я понимал. Мама моя всегда разделяла со мной мои желания, стремления. У нее не было никогда слова «нет» для меня.

Возможно, поэтому я получился таким... трезвовзорным.

Чтобы расти, взрослеть, ребенку необходимо иногда не слушаться взрослых. Отсюда те самые кризисы — трех, семи лет, кризисы переходного возраста. Это — отстаивание своего права на самостоятельные поступки, заявка миру: «Вот он я! Я имею право на собственные желания и мысли, а потому, будьте добры, считайтесь со мной! Иначе — бунт!» Сейчас мне это на моих детях очень хорошо видно: как только они начинают чувствовать, что их торопят или давят на них, — они тут же начинают упрямиться. Чем больше я или жена настаиваем — тем сильнее их сопротивление.

Я даже думаю, может, и правы японцы в своей воспитательной системе, и нам следует поступать, как они — позволять детям до двух-трехлетнего возраста делать все, что захотят, наблюдая только за тем, чтобы не покалечились и не навредили себе? Может, тогда ребенок вырастает без ограничений, делающих человека неуверенным в себе и своих силах? Хотя, конечно, если ребенок потребует играть с ним среди ночи, наверное, мне будет это выполнить трудно...

О своем опыте непослушания могу сказать, что все мои «не хочу» и «не буду», как правило, укладывались минут в десять — не дольше! И ссоры по этому поводу с мамой и бабушкой тоже длились не долго, минут пять, не более. Возможно, потому что меня никто не пытался переломить.

Единственный, кто мог это делать, вернее пытался, был папа. Но не в вопросах выполнения домашних заданий или каких-то бытовых моментах, а в плане фундаментального воспитания. С папиной точки зрения, все должно делаться по порядку: ровно в восемь утра надо чистить зубы, ровно в девять вече-

ра — ложиться спать, а я этого страх как не любил, и мама не ограничивала меня подобными рамками: не хочешь — не делай, и никто, кроме папы, ни на чем особо не настаивал. Поэтому, конечно, с мамой я в большей степени чувствовал свою свободу волеизъявления, не принижавшую, однако, при этом ее влияния.

Да и не помню я, чтобы моя мама предлагала мне нечто принципиально чуждое, в корне противное мне, угрожая, что буду бит, наказан или что-то еще.

Зато с папой, бывало, баталии возникали. Однажды я даже, помню, обозвал его! В тот день на уроке французского мы проходили слово «шваль» — в его исконном значении «лошадь», и, обидевшись на папу за что-то, я использовал первое, что на ум пришло, а пришло вот это слово! Собственный-то словарный запас еще маленький был, и того обидного значения, в котором оно употребляется сейчас, я не знал.

Теперь я благодарен папе за гораздо большее, чем просто организованность, — хотя и это немало! Он научил меня видеть главное. За деревьями видеть лес. Замечать важные мелочи, но уметь воспарить над схваткой. Быть внимательным и даже дотошным, но и великодушным.

Однажды, лет в восемь, отправила меня мама в магазин сходить за хлебом, дав последние три рубля одной бумажкой, оставшиеся в ее кошельке до получки. Я купил хлеб и решил сделать маме приятное — мне очень хотелось проявить самостоятельность, чтобы она меня похвалила за мою хозяйственность, — купил я для нее и для бабушки журнал «Огонек» за прошлый год, и, поскольку сдача еще оставались, на все оставшиеся деньги купил я грузинский чай, восемь пачек. Пришел я, радостный, домой — мама, увидев мои покупки, ужаснулась, всплеснула руками и вскрикнула.

Я истратил все деньги!

Грузинский чай, как выяснилось, мы никогда не пили — только индийский, а старый журнал — он и есть старый. Но мама меня не ругала... А на следующий день взяла все восемь пачек этого несчастного грузинского чая и отнесла на работу — все ее сотрудники меня очень благодарили. Я был горд. Только маму мне жалко до сих пор...

...А что, если есть закономерность: разумные родительские позволения совершать детские ошибки предостерегают нас от тяжелых ошибок юности? От тех, что имеют трагические последствия. Разумеется, молодость вспоминается яркой мозаикой сумасбродств и глупостей. Но нажитый в детстве иммунитет хранит нас от той грани, перейдя которую назад уже не вернуться...

НА ТРЕТЬЕМ ИЛИ ЧЕТВЕРТОМ КУРСЕ, ВО ВРЕМЯ
ОЧЕРЕДНОЙ ПЬЯНКИ, НАС УГОРАЗДИЛО ПОСПОРИТЬ,
КТО КОГО ПЕРЕПЬЕТ. ПОСТАНОВИЛИ, ЧТО КУПИМ ПО
ЯЩИКУ ПИВА, А ПОТОМ, ЕСЛИ МАЛО ПОКАЖЕТСЯ,
ВОЗЬМЕМ ПО БУТЫЛКЕ КОНЬЯКА. СОСТОЯЛОСЬ
ВСЕ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ ПРЯМО В ЗДАНИИ РОДНОГО
ИНСТИТУТА

На первом курсе у меня была смешная история: поспори-
ли мы с одноклассником Мишей, что я смогу разом, не запи-
вая, десять «Сникерсов» съесть и если съем — он их оплатит.
Первые я съел быстро, последние еле в рот заталкивал — они
вылезали, падали; я пытался стряхнуть крошки голубям. С пя-
того-шестого «Сникерса» уже не мог слышать хруст их фанти-
ков! Ел я часа два, пока не съел!

Как же мне плохо было после этого! Дышать не мог даже,
с места сдвинуться. Час отходил. А в это время в институте ме-
ня ждала любимая девушка...

На «Сникерсы» после той истории, думал, вообще смо-
треть не смогу, оказалось — три дня. А Миша, когда мы с ним ту
историю вспоминаем, говорит, что ему не жалко было запла-
ченных денег: зрелище того стоило.

Потом, в какой-то газете типа «Московского комсомоль-
ца» писали, что кто-то пытался проделать подобное и даже
смог восемь «Сникерсов» съесть. Наивный, не знал он насто-
ящих героев!

А однажды поспорили с однокурсниками, кто кого пе-
репьет. Разгон получили все еще на первом курсе, когда в кол-
хоз ездили картошку собирать. Там у нас водка была, и пили мы
ее из жестяных кружек. Так с тех пор водка, запах ее неизменно
ассоциируются у меня с запахом жестяной кружки. Позже ста-
ли пить, смешивая алкоголь разной крепости.

И вот на третьем или четвертом курсе, во время очередной пьянки нас угораздило поспорить, кто кого перепьет. Поставили, что купим по ящику пива, а потом, если мало покажется, возьмем по бутылке коньяка. Состоялось все это безобразие прямо в здании родного института. Народ из любопытствующих не расходился — всем интересно было, кто — кого, и что из этого выйдет; делали ставки.

Договоренность была — пить, не останавливаясь, запрещалось садиться и ложиться. В итоге Леша — этакий кабанчик по кличке Павлов, данной за сходство с министром финансов 1990-х, — на семнадцатой бутылке пива сел, а я этой «потери бойца» не заметил и, выпив все пиво из своих бутылок, допил Лешино. Тут случился вынужденный перерыв, что его и спасло от явного проигрыша: я пошел в туалет и не вернулся. Ребята забеспокоились, отправились меня искать, а я — никакой, стою, к стеночке прислонясь, — садиться-то нельзя!

Через какое-то время, через час, наверное, Леша протрезвел до состояния начальной стадии мышления. И стал думать. А также беспокоиться о том, что ему... пора вести меня домой! И повел — к метро.

У меня в руках была папочка, с которой я не мог расстаться, поскольку в ней находились важные справки и зачетка. И папка эта все время падала, а Леша, вместо того, чтобы ее у меня забрать, всякий раз нагибался за ней и, подбирая выпавшие документы, обязательно что-то недобирал. И отдавал мне. В итоге я все потерял и потом, конечно, пришлось восстанавливать.

В метро я обтошнил все! Какие-то иностранцы мне деликатно предложили пакетик.

Когда мы приехали домой, сам себе я казался вполне трезвым — как-то резко очнулся и вижу перед собой дверь в мою квартиру, и надо мной — рука тянется к звонку, и кто-то держит меня за широрот. Я стою и понимаю, что сейчас мама откроет дверь, и потому, на всякий случай, изобразил счастливую улыбку на лице. Мама открыла дверь — увидела мое лицо и говорит тому, кто сзади: «Его избили?» Я отвечаю: «Мамочка, мы были на дискотеке и немножечко выпили». После чего меня завели домой, и мама начала ругаться. «Алкаш!» — говорит. Это взбудоражило мои плохие стороны — я принялся поливать маму матом. Если шел в туалет, выходя, забывал надеть штаны. Снимал зачем-то тапочек и швырялся им в маму. Потом лег спать.

Утром проснулся, как огурчик. Хорошо еще, это было уже не в коммуналке на Мархлевке, а в отдельной квартире, куда мы с мамой переехали при расселении. Встал бодренький — выспался хорошо. Прихожу на кухню, вижу там маму — ничего

не помню — говорю ей радостно: «Доброе утро, мамочка!» — и хочу поцеловать, а она стоит, как каменная. Говорю:

— Мамуля, что у тебя с настроением?

— А ты что, ничего не помнишь, что вчера было? — отвечает.

— А что вчера было? — удивляюсь искренне. — Был в институте.

И вспоминаю: пили на спор, много пили — что-то начинает всплывать в памяти, вспомнил и что по дороге было, но как отключился, самостоятельно я так и не вспомнил. Это мне уже потом рассказали.

Как же мне стало стыдно! Я схватился за голову: «Мамочка, дорогая, прости меня, пожалуйста! Это был какой-то кошмар! Мне так стыдно, очень стыдно...»

Вот такой был спор.

В первый раз я алкоголь попробовал вообще в раннем детстве, когда с гостями за столом сидел — взрослые выпивали: женщины — наливку, мужчины — пиво, и мне наливочки попробовать дали. У мамы была мудрая тактика: она лет с семи-восьми не отказывала мне в малых дозах алкоголя. Когда приходили гости, и я тоже хотел попробовать, она всегда давала мне наливки или пива. Кто-то из гостей мог возразить, но мама уверенно отвечала, что ее папа поступал так же. Здесь вопрос воспитания, а не запретов. Возможно, поэтому большого интереса к алкоголю у меня не было и в школе. Я понимал, что глоточек мне всегда можно. Мне никогда не хотелось прятаться от взрослых и комплекса страха перед запретом алкоголя мне не привили, за что маме большое спасибо. А по-взрослому — водку, хоть и на дне рюмочки, впервые попробовал лет в пятнадцать. На свадьбе у соседа. Потом в колхозе.

Гены или воспитание — что сильнее? Натура, черты характера — это в большей степени наследственность или непосредственное влияние личного примера наших ближайших предков... Споры об этом никогда не утихнут. Скажем, может ли генетически передаваться здравый смысл? Я, например, помню, что он всегда помогал мне с уроками. Я до седьмого класса был троечником, но меня никто не заставлял делать уроки. Лет с девяти я сам понимал, что их надо делать и всегда делал, и никто сзади меня с молотком не стоял. У меня всегда был четкий режим дня и постоянный распорядок, за что отдельное спасибо папе: я приходил из школы, обедал и садился за уроки. Правильно или нет — отдельный вопрос, главное — я их делал! Поскольку понимал: чем скорее закончу — тем скорее пойду гулять. И при этом у меня даже мысли не возникало убежать на улицу или начать играть дома, не выполнив домашнее задание. И не потому, что меня проверят, — очень часто меня вообще никто не проверял. Откуда, не знаю, но, сколько себя помню, мне была свойственна ответственность. И вроде никто из родных мне не навязывал ее, не «давил» на эту точку. Моя ответственность была естественным продолжением семейной атмосферы. Гены или воспитание? Если можно так выразиться, гомогенный коктейль из этих важнейших компонентов.

К старшим классам, конечно, я научился лавировать и стал допускать уже некоторые вольности — мог не сделать какое-то задание, например, не сделать что-то одно, но большое, и при этом — сделать много маленьких. При этом я всегда руководствовался не сиюминутным «хочу — не хочу», а здравым смыслом, логикой. Я не просто так не выполнял домашнее задание, а только когда понимал, что в данных условиях выполнить всё — для меня! — нереально. Рассчитывал, конечно, при этом на классическое «авось» и «пронесет». Правда, письменные уроки или то, что задавали на отдельных листочках, которые гарантированно будут проверять, я делал всегда.

Итак, я старался учиться и делать уроки, это правда, но — оставался троечником. А были в классе и такие ученики, которые вообще ничего не делали, — я точно не из них!

В седьмом классе я вдруг задумался и осознал: мне же надо готовиться к поступлению, а я матерый троечник, из разряда тех, что вроде и делают что-то, а интереса к учебе нет. Здесь, видимо, надо бы сказать о том, как резко я взялся за ум, какой бурный интерес к наукам во мне пробудился вдруг, но я этого не скажу. Интерес не появился. Но... я посмотрел на себя и свою жизнь немножечко со стороны.

Был у меня в классе закадычный друг — Андрей. Очень любознательный паренек. Интересовался чем угодно, но только не учебой. Так вот, посмотрел я со стороны — на свою жизнь, на себя, на Андриюху — и очень мне не понравилось все это: в первой четверти у него было семь троек, а у меня восемь!

Я к нему очень хорошо относился, но тут что-то во мне сдвинулось, и я подумал: «Ну, Андриюха-то — он же двоечник! А я хуже оказался?» Меня это задело, и я решил взяться за ум — стал усиленно заниматься, никому ничего не объясняя, но все это сразу заметили. Вторую четверть я окончил с пятью тройками, третью — с тремя, четвертую — с двумя! А в восьмом классе уже шел без троек вовсе! К окончанию школы я не стал отличником, но ситуацию с учебой исправил. Во всяком случае, перед самим собой мне стыдно не было. Я понимал уже — чтобы мне уважать себя и рассчитывать чего-то достичь в жизни, троек у меня быть не должно!

Так и девятый, и десятый классы окончил крепким, уверенным «хорошистом». Я держался на уровне, который сам для себя установил. Хотя в аттестат зрелости одна тройка — из прежних грехов — все же затесалась. А Андрей, к слову сказать, школу тоже неплохо окончил. Правда, в седьмом классе он из нашей школы перешел в другую, не помню уже почему... кажется, они получили квартиру в другом районе Москвы, и его семья переехала. А потом он окончил институт с красным дипломом. Сейчас известный адвокат. Вот такие перевертыши.

Позже я проанализировал механизм своего взросления.

В переходном возрасте, лет в 11-12, когда все системы организма усиленно работают и перестраиваются, когда нервная система функционирует в авральном режиме, я начал испытывать и порой даже сейчас, бывает, испытываю странные ощущения. Вдруг стали возникать такие моменты, когда, находясь на точке принятия решения, я отчаянно нуждался в совете, но, в силу естественных процессов развития — и возрастного, и психического — уже должен был не ждать ответа извне, а учиться продуцировать собственные ответы, чтобы сделать определенный выбор, получив искомый внутренний совет. Каждый раз, когда мне надо было принять какое-то решение,

даже самое мелкое, — например, в какую сторону пойти или взять или не брать что-либо в руку, я видел знаки. Точнее, я эти знаки чувствовал. Серьезных решений это касалось тоже. При этом я понимал и понимаю: для другого человека, даже для очень близкого мне, эти знаки ничего не значат.

То, что я называю знаками, могло быть любым движением из жизни, в каждый момент происходящим с любым человеком. Но для меня это было ответами и решениями даже в мелких ситуациях. Такие вещи происходили со мной не постоянно, но иногда накатывало. По ощущениям это было, приблизительно, так: я о чём-то думаю — и вдруг, резко, приходит команда. Точнее, инсайт! Например: чтобы нечто произошло — нужно сделать шаг влево, остановиться — не в прямом, конечно, смысле — или еще что-то, хотя по логике между этими шагами, рекомендациями, и моими желаниями, о которых я в этот момент подумал, видимой связи нет вовсе. Не знаю, понятно ли это...

Я связываю это с неким спонтанным самоанализом, точнее — с началом формирования произвольной внутренней психической работы. Я учился анализировать.

Когда я внимательнее стал прислушиваться к себе и своим внутренним ощущениям, это превратилось в некую систему, и она работает. Правда, срабатывает только тогда, когда я на это настраиваюсь, и при этом — по заказу не всегда получается. Иногда это наступает неосознанно, и я ловлю себя на мысли, что следую указаниям. Бывает, эти состояния накатывают на меня и сейчас, во взрослой моей жизни, но до сих пор я так и не научился запускать их произвольно, по желанию, правда, никогда и не ждал их специально, зато, когда они приходили, просто принимал — и все.

Возможно, именно так и было, когда я исправлял все свои тройки, когда дрался в школе с Максимом, которого все боялись, когда курил без зазрения совести за бабушкиной спиной, а потом резко бросил, когда напился, едва поступив в институт, до провала в памяти, и с тех пор такого «геройства» больше не повторял, или обожрался шоколадками на спор... Когда шел навстречу каждому своему страху, каждому безумству и каждой боли. Приводить какие-то более конкретные примеры, думаю, нет смысла, поскольку все было не в знаковой форме, не в виде «вопрос-ответ». Идея была в ощущении.

Фактически я всегда сам отвечал на каждый свой вопрос. Что при этом делали знаки, очевидные только мне? Думаю, они могли исполнять роль некоего спускового механизма, запускающего внутренний процесс обработки и анализа полученных данных, всей имеющейся у меня на этот конкретный момент

времени информации по конкретному вопросу. В принципе, когда люди говорят о знаках свыше, как правило, речь не идет о буквальном значении. Смысл часто восходит к мифологии. Это сегодня для современного человека ничего не значит, что над ним голубка пролетела, когда он думает о чем-то. Ну и что? Ну, пролетела — и бог с ней! Наверное, для наиболее чувствительных людей именно с тех самых пор это — я имею в виду обращение к знакам как к знамениям — и стало неким запуском аутентичных процессов, когда сам человек задает себе вопрос и сам же — внутри себя — находит на него правильный ответ.

Эти ощущения необычные. Я не могу их описать. Возникнув в подростковом возрасте, они часто бывали у меня раньше, потом исчезли, а недавно стали повторяться снова, и в очередной раз я убедился, что для возникновения этих состояний абсолютно неважно, чем я занимаюсь в данный конкретный момент времени. Просто идет моя жизнь, и в какой-то миг, ни с того ни с сего, вдруг, ни с чем не связано, возникает это состояние, в котором мне начинает казаться, будто все вокруг меня сильно ускоряется. Это состояние пронизывает все вокруг. Притом, что на самом-то деле ничего не меняется! Все остается, как есть и как было! Надо признать, это не очень приятное состояние, и, когда оно возникает, ощущение такое, будто оказался в пространстве, совершающем резкое и быстрое движение, а время при этом очень сжимается. Часто эти ощущения, сами по себе, абсолютно ни к чему не приводят. Результаты у них нет никакого. Знаки же, появляющиеся на этом фоне, я и считаю ответами. Лет в пятнадцать — семнадцать все это ушло. Видимо, нервная система подросткового организма перестроилась и стабилизировалась. Что это было? И почему возвращается теперь...

Предчувствие как космос

Моя нежная, красивая мама, молча держась за папин локоть, смотрела на меня. Ее волосами играл легкий ветер. Папа был спокоен. А мне стало страшно. Я находился в квартире — родители стояли уже за порогом и, улыбаясь, смотрели на меня и жестами приглашали подойти к ним. Я ничего не понимал: вместо порога была огненная дыра, которую мне надо было переступить, а я боялся и стоял, оцепенев от ужаса. Мама с папой, будто не замечая этого вовсе, продолжали улыбаться и приглашать меня присоединиться к ним. Нас разделял этот огненный порог. Так я его и не переступил...

Это был сон, кошмарный, тяжкий сон.

Уже больше тридцати лет прошло! Не помню, сколько мне тогда было, года три, четыре? А то ощущение тревоги и ужаса живо во мне до сих пор. И нет уже рядом со мной ни папы, ни мамы. Куда они звали меня? И что значил тот огонь? Неужели это было мое предчувствие их ранней смерти...

Наверное, кто-то из читающих эти строки слышал о Хрониках Акаши — некоем общем хранилище всей информации о каждом человеке, когда-либо жившем на Земле, обо всех его чувствах, мыслях, намерениях и поступках. Книга Жизни, в которой записано абсолютно все, что было, что есть и что будет, — обо всех и каждом. Еще это называют информационным полем Земли. Эти так называемые Хроники не являются материальным источником, скорее они — первичная субстанция, тончайшая эфирная сущность, заполняющая собой бесконечность пространства и времени. Эта сущность или энергия вибрирует на определенной частоте, вбирает в себя и запечатлевает в себе все течения жизни. Все, запечатленное в этой Книге, может быть считано каждым, но одни получают допуск, другие нет. Насколько я понимаю, на этом основаны бесчисленные спекуляции мнимых ясновидящих и адептов, однако... сам я испытал странный и необъяснимый опыт, который и заставил меня много размышлять о тех вещах, которые бесконечно далеки от меня. Наверное, подключение к энергоинформационному полю Хроник происходит... не только у шарлатанов или известных мистиков вроде Елены Блаватской или Алисы Бейли. Тем из нас, кого можно назвать творческим, пытливым, любознательным,

кто находится на пике творчества, созидания, искательства или свершения открытий, у тех, чья психическая энергия сконцентрирована, а духовная развита в достаточной степени, — им тоже знакомы подобные ощущения. Или подросткам, организм которых в виду возрастной перестройки физиологии высшей нервной деятельности претерпевает определенные изменения, что делает их очень чувствительными и восприимчивыми к малейшим изменениям пространства вокруг себя.

Но когда я увидел свой самый страшный сон в жизни — я еще не был подростком. Можно сказать, я пребывал еще в младенчестве. До сих пор, рассматривая фотографии тех лет, не перестаю удивляться: какая же мама была тоненькая, миниатюрная! Как же тяжело было ей меня рожать! Она мне сама говорила об этом: три восемьсот пятьдесят — шутка ли для такой хрупкой женщины! Как же мне порой хочется увидеть ее хоть на секунду, хоть издали. Захлебнулся бы, кажется, от счастья! Мама...

Любимые люди — опора нашей вселенной. Поэтому даже их ранний уход порой хочется наделить особым метафизическим смыслом. Может быть, они отвели от тебя беду? Может, ушли, чтобы хранить тебя на пути твоём... — там им виднее? Но мы можем сказать определенно о том, что дали они нам на Земле и что, несомненно, основа личности. Базовая безопасность.

Но тот сон — он был не единственным столкновением с энергией космоса предчувствий. С той самой непознанной Книгой Жизни. В двенадцать лет я пережил сильнейшее потрясение. Только в тот раз жизнь меня познакомила со смертью. Это случилось, когда умер мой папа.

На похороны мы поехали вместе с мамой, но я почему-то не запомнил ее присутствия. Она словно оставила меня один на один с этой ситуацией. А, может, она не поехала на кладбище?

Я помню себя, свое состояние и что был в шоке, когда увидел папу в гробу. До сих пор страшно прикасаться к этим ощущениям. Я первый раз в жизни был на похоронах. Увидеть папу в гробу для меня было жутким испытанием. Но в тот момент у меня впервые возникло ощущение дежавю, будто я где-то уже эту картину видел раньше. Папа лежал в гробу, и под носом у него был кровоподтек от кислородной трубочки, которую ему вставляли в реанимации. Где я мог это видеть ранее? Как?

И тем не менее у меня была четкая уверенность в том, что все это уже было, и я это уже видел, от чего мне становилось еще страшнее. Знаю, что, если бы я действительно видел такую картину до этого, она бы вселила непомерный ужас в мою детскую голову. Получается, если предположить, что я на самом

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЛ: ВМЕСТО ПОРОГА БЫЛА
ОГНЕННАЯ ДЫРА, КОТОРУЮ МНЕ НАДО БЫЛО
ПЕРЕСТУПИТЬ, А Я БОЯЛСЯ И СТОЯЛ, ОЦЕПЕНЕВ ОТ
УЖАСА. МАМА С ПАПОЙ, БУДТО НЕ ЗАМЕЧАЯ ЭТОГО
ВОВСЕ, ПРОДОЛЖАЛИ УЛЫБАТЬСЯ И ПРИГЛАШАТЬ
МЕНЯ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К НИМ. НАС РАЗДЕЛЯЛ ЭТОТ
ОГНЕННЫЙ ПОРОГ. ТАК Я ЕГО И НЕ ПЕРЕСТУПИЛ...

деле мог это видеть когда-то, — сработал механизм психологической защиты, и потому я все забыл. Произошло вытеснение информации о травмирующих событиях с сознательного уровня на уровень подсознания. Но сколько лет прошло, а до сих пор во мне живет стойкое ощущение того, будто все это я действительно видел задолго до папиной смерти — в прошлой жизни, в параллельной, перед рождением...

Вне всяких сомнений, это был очень серьезный момент в моей жизни. И один из самых тяжелых.

Стойкое ощущение, что все это именно так и было, возникло, как только я посмотрел на папу — в первую же секунду. И я не знаю, откуда это ощущение вообще берется, но видимо, это было где-то прописано, и в этот момент сознание и подсознание соединились. А что если Создатель так прописывает в наших мозгах индивидуальную карму каждого, как программисты прописывают в прошивке электроники алгоритм ее работы...

Мой отец был физиком-ядерщиком. Иногда я ловлю себя на мысли, что трагедию его ухода мне хочется описывать не выходя из его смыслового поля. Как если бы мне пришлось объяснять это ему самому. Чтобы он меня понял. Ни страха, ни печали. Одна стройная наука. Хотя я был бы так счастлив снова увидеть, как он иронично закатывает глаза! Как делал всегда, когда мама разрешала мне больше положенного...

С возрастом я все больше убеждаюсь, что мы о себе многого не просто не знаем — даже не предполагаем! Человек не догадывается о том, что происходит с ним в параллельном измерении — какое огромное количество вариантов развития сюжета его жизни разыгрывается прямо здесь и сейчас! И только от нас самих зависит, какой дорогой пойти, где проложить путь и выбрать себе пристанище. Я даже порой думаю: наверное, мы живем, время от времени залезая на параллельные наши жизни, чтобы рассмотреть что-то из прошлого и подготовиться к чему-то будущему.

Вот и в истории моего трагического дежавю будто две линии соединились — из настоящего и прошлого. И это усугубляло шок, поскольку я смутно догадывался, что настоящая жизнь, реальная — та, которая происходит с нами здесь и сейчас, а параллельные — неполноценные жизни, эфирные, вариативные. Они — как множественные русла единой Реки Жизни, а человек, оказавшись в этой Реке, получил челн и по веслу в обе руки. И, вот, управляя веслами, он управляет Временем, попадая в разные русла, и смотрит на то, что есть, подбирая самое подходящее для себя. Возможно, в том Пространстве можно пересечься и с другими людьми, став свидетелями или участниками их судеб.

Сейчас, с позиции зрелого своего возраста и с позиции своего отцовства, я понимаю, что отца мне не хватало — это факт. Наше общение было основано больше на наледи отношений, чем на самих отношениях. Мама вела меня на протяжении всей жизни, и все, что вложено в меня, — это в большей степени ее заслуга. Думаю, у меня ее характер. Но, безусловно, есть и папины черты.

Не так давно — лет пять назад — со мной произошла странная история. Мне позвонила одна своеобразная особа — мамина подруга, которую сама мама считала не совсем адекватной. Проще говоря, слегка сумасшедшей. И вот эта дама сообщила мне в телефонном разговоре, как бы между прочим, что мой биологический отец — не папа, а некий мамин знакомый... назовем его Олег. У меня, мягко говоря, челюсть отвисла! На мое изумление она, как ни в чем не бывало, ответила что-то вроде:

«А ты разве не знал? Это же Олег, он к вам домой приходил, и когда вы на маминых похоронах сели рядом, то я подумала: «Надо же, отец и сын воссоединились»...

Я, конечно, был в шоке. Мамы уже давно не было на свете. Но, к счастью, другие, ее более близкие подруги на мои пристрастные расспросы только крутили у виска, когда я им раскрыл «источник сенсации». Никто ни на грамм не подтвердил вероятность этой версии. Притом, что все были в курсе того, какими сложными были отношения моих родителей. Я еще долго все взвешивал, но неминуемо приходил к выводу, что если все, с кем маму связывала истинная дружба, не только считают услышанное бредом, но и понятия не имеют, что послужило поводом для таких смелых предположений, — значит, это полная чушь. И я не стал копать эту историю глубже — не чувствовал мотива. Мог бы сделать генетический тест — но зачем?! Всегда, когда мы встречаемся с родной сестрой моего отца Аней, кто-нибудь обязательно отметит наше очевидное родство. Внешнее сходство между нами неявное, но его вполне достаточно, чтобы развеять мрачные фантазии...

И все же хорошо, что этот странный телефонный звонок не случился в разгар темной полосы моей жизни, когда я переживал крушение первого брака. Одному Богу известно, что выросло бы из этого гнилого зерна, упавшего на опасно благодатную психологическую почву...

И опять переносит меня память в самые светлые моменты: вот наша комната, вот письменный стол, а вот и я с папой — сидим за этим столом, что-то паяем!

Иногда папа играл на скрипке. Уж и не знаю, кому я более обязан своим музыкальным прошлым — маме или папе! Скрипка, впрочем, была сослана на шкаф, где и пребывала под растущим слоем пыли, тем более, что «играл» применимо к отцу — понятие весьма условное, поскольку на просьбы окружающих усладить их слух папа всегда отвечал отказом. Хотя моим просьбам иногда уступал и играл «В лесу родилась елочка». Полагаю, сам папа игре на скрипке учиться особо не хотел — его муштровали, особо не интересуясь собственным папиным желанием. Так сложилось: в семье все играли на музыкальных инструментах, и родители-музыканты заставляли детей тоже знать музыкальную грамоту. Неслучайно папин брат, дядя Миша, тот самый, что был с нами на Ахтубе, — ныне известный в Европе музыкант. Мне всегда казалось, что музыка была для него параллельной Вселенной, в которой он жил. Но мой отец — другое дело. Он был технарь до мозга костей, физик-ядерщик. И дома на «ты» был с любой

И ОПЯТЬ ПЕРЕНОСИТ МЕНЯ ПАМЯТЬ В САМЫЕ СВЕТЛЫЕ
МОМЕНТЫ: ВОТ НАША КОМНАТА, ВОТ ПИСЬМЕННЫЙ
СТОЛ, А ВОТ И Я С ПАПОЙ – СИДИМ ЗА ЭТИМ СТОЛОМ,
ЧТО-ТО ПАЯЕМ!

техникой. Ему нравилось что-то чинить, ремонтировать. Он и меня приучал к этому.

Так в девять лет у меня появился свой персональный, настоящий паяльник — я был счастлив и горд! Папа мне его подарил на Новый год, и мы часто с ним что-нибудь паяли. То-то радости у меня было! А запах паяльной канифоли до сих пор у меня вызывает воспоминания о том времени.

Сейчас думаю и никак не могу понять: то ли запах канифоли так магически действовал на меня, то ли испаряющийся в процессе дымок, но что-то почти мистическое, если не сказать инопланетное ощущалось мной во всем этом действии. Такое нисходило на меня вдохновение, что, занимаясь с паяльником, я забывал обо всем на свете, и время в такие моменты, казалось, утрачивало свою власть надо мной!

А ведь канифоль — то, что роднит паяльник и скрипку...

Сексуальное занятие

Однажды, лет в девять, мне даже приснился странный сон. Когда проснулся, я взял ручку, бумагу и полдня его записывал. Получился рассказ о моем путешествии на Марс, вполне научно-фантастический. Сейчас самого рассказа я вспомнить не могу, а листочки с записями — увы — испарились. Возможно, конечно, тот сон был навеян не только дымком от паяльника, а еще и запойно читаемой мной в тот период времени книгой Кира Булычева «Сто лет тому вперед». Я, без преувеличения, перечитывал её от корки до корки раз двадцать! Потом по этой книге сняли фильм «Гостья из будущего» про Алису Селезнёву.

Прямой зависимости здесь, конечно, нет, но очевидно: грамотные люди читают художественную литературу. А у нее, как минимум, два назначения: приучить к чтению посредством интереса к сюжету, способствуя увеличению словарного запаса, и развить умение сочувствовать и сопереживать, что позволяет читателю прикоснуться душой к другим мирам и внутреннему миру другого человека.

Пока я был маленьким, едва научившись, читал сборники вроде «Чудеса в Гусяре», которые папа приносил специально для меня. В них печатались разные рассказы нескольких авторов. Не помню, чтобы родители или бабушка баловали меня тем, чтобы, например, перед сном читать мне книги. Я видел: взрослые читают, и, глядя на них, сам стал читать. Наверное, я даже могу сказать, что читать меня приучила мама, поскольку с ней мы чаще обсуждали прочитанное, пусть и на уровне «нравится — не нравится», а вот литературный вкус развил во мне, однозначно, папа. Он приучил меня и к фантастике!

Самостоятельно, без понуканий я стал читать лет с восьми. Читал много и обо всем, что меня интересовало, потому что меня приучили. Искренне не понимал, как кто-то мог не читать книг! Возможно, я отлынивал, и, скорее всего, так оно и было, от чтения классической литературы из школьной программы, но впоследствии я, конечно, все наверстал. А тогда, в школьные годы, меня за уши было не оттянуть от того, что я любил. Я прятался ночью под одеялом и читал фантастику и приключения! Конан Дойль, Майн Рид, Иван Ефремов, Александр Беляев, Айзек Азимов — читал все, что печатали

в конце 70-х — 80-х годах. Позже зачитывался Стругацкими — первым, что я у них прочел, было «Понедельник начинается в субботу»...

Мне нравится читать. Любовь к чтению мне свойственна и сейчас, но, наверное, это плохо, даже стыдно — читать теперь некогда. Я читаю все реже, и это становится из ряда вон выходящим событием. Жена, когда видит меня с книгой в руках, говорит, что это настолько неожиданно, что даже сексуально! И, не желая нарушать этот, я бы сказал «интимный» процесс, она молча наблюдает за мной и не беспокоит, пока я сам ее не замечу.

Уверен: чтение — одно из важнейших занятий человека. И не стану скрывать своей пристрастности.

Говорят, Альберту Эйнштейну принадлежат слова «Если вы хотите, чтобы ваши дети росли умными, читайте им сказки. Если хотите, чтобы они стали еще умнее, читайте им еще больше сказок»! А психологи убеждены: чтение — самый быстрый способ успокоить нервы...

«Друг — это тот, кому можно позвонить в четыре утра», — говорила Марлен Дитрих. Я заметил, что все люди склоняются либо в сторону семьи, либо в сторону дружбы. Редко встречал, чтобы кто-то мог совместить и то, и другое. Но я знаю, что дружба — это родство, порой более глубокое, чем семья. В дружбе есть вся палитра наших отношений с мирозданием — любовь и ревность, свобода и постоянство, единомыслие и противоречие, соавторство и соперничество, крик о помощи... и поднятая в четыре утра телефонная трубка. Редко кто из нас проживает жизнь со своей первой любовью. А дружба детства или юности, напротив, самая крепкая.

Хотя я категорически не согласен с тем, что с возрастом найти друзей все сложнее. Просто с годами мы обрастаем коконом привычек и меньше смотрим по сторонам. Но найти новых друзей можно в любом возрасте. Уверен.

Могу добавить, что любая встреча в нашей жизни всегда волшебно спонтанна. Истории, с которых начинаются самые важные отношения, пестрят анекдотичными подробностями. Но однажды, порой так же неожиданно, некий случайный бог дает понять, насколько судьбоносна была эта встреча. Судьбоносна не только в метафизическом, но и генеалогическом смысле.

У меня есть друг Миша. Именно он вдохновил меня заняться изучением моей родословной. Я и раньше чувствовал, что надо собрать воедино все истории моих многочисленных родственников, распутать клубок нитей жизни, которые приводят к истокам семейной легенды... Благодаря Мише я начал этот увлекательный путь, в результате которого родилась книга «Терпкие нити любви. Семейная история в документах и воспоминаниях» (М., 2012). И вот, когда книга была готова, первый человек, который увидел ее, был именно Миша. Он приехал ко мне как раз в тот день, когда из типографии привезли книги. Я, конечно, поделился радостью: «Вот, смотри! Вчера процесс завершился!»

Он взял книгу в руки, раскрыл наугад — на странице, где размещена карта Полтавской губернии. Смотрит на нее и говорит:

ПРЕДКИ МОЕГО ДРУГА МИШИ ЖИЛИ И РАБОТАЛИ
НА ЭТОЙ ЖЕ СТАНЦИИ В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ,
ЧТО И РОДИТЕЛИ МОИХ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ.
НА ЭТОМ ОСНОВАНИИ Я ПРЕДПОЛАГАЮ, ЧТО МОИ
И МИШИНЫ ПРЕДКИ ЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА

— Хочешь, покажу место, откуда пошел мой род?

Я удивился и говорю: «Давай!» Он тычет пальцем в картинку и говорит:

— Вот здесь!

Листает страницу, а там — другая иллюстрация: станция Гребенка на фото.

— Собственно, мои здесь и живут: вот окошко! Здесь я спал на станции, когда в детстве к ним приезжал... На этой станции мои дед с бабушкой работали, — говорит он.

Недаром эта глава книги называется «Скращение судеб»! Я говорю: «А теперь прочитай здесь» — и показываю строчку. Предки моего друга Миши жили и работали на этой же станции в то же самое время, что и родители моих дедушки и бабушки. На этом основании я предполагаю, что мои и Мишины предки знали друг друга.

Станция маленькая, и насколько я знаю, в подобных местах в те годы работали семьями. Интересно, что связывало наших родственников? Если задаться этим вопросом, тема может открыться к исследованию просто непаханая. Может быть, и моя с Мишей дружба была предопределена еще до нашего рождения? А если учесть и то, что именно он подтолкнул меня к занятию генеалогией... Это к вечному вопросу о предопределенности всего сущего.

Фотография в серванте

Моя мама постоянно аккумулировала вокруг себя дружеское пространство, и, видимо, это генетически передалось и мне. И – вот парадокс: во многом благодаря дружелюбной маминой натуре я подружился даже с человеком, который изначально не мог быть ей приятен, – с тетей Ларисой. Второй женой моего отца. Впрочем, в этом была своя закономерность...

Самостоятельные отношения с тетей Ларисой начались у меня, когда папа умер, потому что он очень просил ее не оставлять меня. Папа считал, что он может быть за меня спокоен, если она будет со мной рядом. Прав он был или нет – не знаю. Одно точно: Лариса Ивановна свято выполняла папину просьбу и никогда меня не оставляла. Особенно это проявилось в 1990-е – папа умер в 1987 году, – когда началась так называемая перестройка. Лариса Ивановна сумела очень быстро перестроиться – выучилась на бухгалтера, устроилась в какую-то фирму. Там она получала вполне приличные, по тем временам, деньги – около трехсот долларов. Это было очень много. Особенно в сравнении с зарплатой инженера, которую получала моя мама – меньше ста долларов...

Я ездил к тете Ларисе в гости, и она всегда давала мне с собой гостинцы – банки, консервы. И я с этими сумками-авоськами возвращался домой.

С мамой они общались в основном через меня и только по техническим вопросам, типа «доехал я – не доехал». Чем больше времени проходило, тем меньше у мамы оставалось к ней антипатии. Мама понимала, что Лариса одна и что она держится за меня, искренне заботится и моя судьба ей не безразлична. Они никогда не общались друг с другом, только на кладбище, когда папу хоронили. И потом, когда ездили туда вместе – мы, Лариса, другие родственники.

Лариса Ивановна говорила, что ей тяжело жить одной, и через какое-то время, я точно не помню, лет через десять-двенадцать после папиной смерти, где-то за год до маминой смерти, она второй раз вышла замуж. Ее мужа звали Евгений, как и второго мужа моей мамы. При этом у нее в серванте всегда стояла фотография папы. Ее муж с пониманием относился к этому – он никоим образом не ворошил прошлого.

После маминой смерти — мамы не стало в високосный день високосного 2000-го года — наши с Ларисой отношения стали более теплыми. Я ее всячески поддерживал, помогал, финансировал поездки — для нее очень важным в жизни было иметь возможность путешествовать и узнавать мир. Например, она прочитает что-то интересное о Перу, о пирамидах египетских — и загорится поехать туда. Узнавая что-то новое о какой-то культуре или цивилизации, тете Ларисе было интересно воочию прикоснуться к ней и узнать еще больше. Она аккуратно намекала: «Димочка, мне так туда хочется!» — и я помогал ей там побывать. Пляжный отдых ее не интересовал. По возвращении она всегда рассказывала много всего интересного.

Когда у Ларисы начались проблемы со здоровьем, я стал активно ею заниматься — возил по врачам. Ей сделали операцию, и это продлило ей жизнь на год.

После операции она очень попросила меня отвезти ее к маме на кладбище, что я и сделал. А потом... мы с Евгением пытались ее поддержать. Я знал о ее диагнозе, она — нет. Ее мужу я тоже ничего не сообщал, наоборот, всегда говорил: «Все нормально. Лечим». При этом задачу мне очень осложняла сама Лариса: она всегда была любознательной и пыталась во все вникнуть «до самой сути». С ее логическим мышлением и математическим складом ума мне было очень тяжело держать ее в неведении относительно диагноза, поскольку часто попадались врачи, которые в открытую говорили, что думают, и смотрели на нее квадратными глазами. Я бы поубивал их всех за то, что они такие идиоты!

Память отводит меня от этих тяжелых воспоминаний... Теперь вдруг ясно вижу, как она потащила меня в физико-математическую школу. Мне было тогда пятнадцать лет. Через полгода я сбежал оттуда, благо школа была вечерняя. Так она не успокоилась — пыталась меня в технический ВУЗ определить. Билась-билась и так и не поняла, что это не моя история — с физикой, хотя папа и физик был. Если с математикой я еще ладил, то физика была для меня сущим кошмаром.

А еще запомнился наш разговор, когда я был у нее в последний раз. Она мне сказала: «Планида у тебя, Димочка, такая — людям помогать». И вот тогда мне дано было ясно ощутить, что каждый разговор с ней может оказаться последним...

Через неделю, наверное, — я был дома, с детьми — звонит тетя Лариса, спрашивает, как дела. Меня отвлекают дети, зовут, чтобы я подошел к кусту и посмотрел на какие-то ягоды. Она понимает, что у меня свои житейские дела. Спрашивает: «У тебя

все хорошо?» — и сама отвечает: «Да, все хорошо». Тут же снова задает вопрос: «С детками порядок?» — и опять сама отвечает: «Конечно, все в порядке, да?» Я говорю: «Да, тетя Лариса, все хорошо» — и понимаю, что я не должен так с этим человеком разговаривать — в этой суете, когда она на смертном одре. И все же, несмотря на суету, я проникся тем разговором, как мог, за что теперь себе очень благодарен. Она рассказала, что видела во сне своего мужа Женю в резиновых или кирзовых сапогах. Я не знал, что это значит. Это был наш последний разговор.

Так уж получается — смерть словно вплетается в житейский поток, бежишь по мелкому песку — и вдруг ты в сокрушительной океанской волне... а потом тебя снова выбрасывает в мелочи жизни. Но потери дорогих нам людей — это не ритуальная печаль, угасающая со временем. Просто с момента ухода человека мы начинаем жить параллельной жизнью, в которой продолжаем поддерживать с ним связь. Кто как умеет. Ведь никто нам его не заменит. И это не пустые слова.

Потом она умерла. Дома. С ней был только Женя. В тот день, когда ее не стало, я подсознательно был к этому готов и ждал звонка, чтобы сорваться и поехать. Я это понял потом — ведь обычно по выходным я позволяю себе выпить, а здесь меня все время что-то отвлекало. В семь часов вечера раздался звонок: это был Женя. Я сел в машину и поехал.

Добрался до их дома, позвонил в домофон, говорю: «Это Дима». А мне какая-то дама говорит: «Нам агенты не нужны» — и бросает трубку. Я влетел в квартиру, думал — придушу ее! Она сама оказалась агентом из Бюро ритуальных услуг и, конечно, избегала конкуренции — ну и работа! Вошел в комнату — Женя сидит, рыдает, двух слов связать не может. Они двенадцать лет прожили вместе.

Похоронили тетю Ларису на Ваганьковском кладбище — у нее там мама. Все родственники хотели ее кремировать — я настоял, что так не должно быть.

Женя остался один. У него был очень тяжелый период. Он ведь и сам перед этим перенес операцию. И с сыном у него были сложные отношения. Но он ездил к сыну, держался. Женя был мне не чужой, я с ним продолжал общаться. Старался ему помочь... К сожалению, его уже нет в живых.

Друзья — свидетели нашей жизни. Они помнят нас детьми. Для них мы всегда будем молоды, ведь истинной дружбе дано чудесное свойство сохранять первое впечатление о человеке, его изначальный психофизический портрет нетронутыми временем. Для тех, с кем мы подружились в юности, — мы не стареем. Для прочих нам тридцать, сорок, пятьдесят... но для друга нам всегда пятнадцать. Даже если нам суждено расстаться на годы, при встрече мы, конечно, заметим перемены, но очень быстро облик друга в наших глазах вернется к прежнему образу. Это явление — некий необъяснимый житейский релятивизм, мы не замечаем его, хотя он имеет прямое отношение к волшебной тайне жизни.

У меня была ситуация, когда друг в категоричной форме без объяснений перестал со мной общаться, но я это вытянул, хотя на это у меня ушло восемь лет! Я считаю, что спасать дружбу надо. Не могу сказать, что у меня с тем человеком как-то существенно изменились отношения — нет, они остались такими же открытыми, немножко изменилась риторика. Мы стали встречаться реже и не по всем поводам, что были когда-то. Но я сохраняю с ним отношения и считаю их дружескими. Он, этот мой друг, — это 35 лет моей жизни. Он мой одноклассник с первого класса, его зовут Андрей, и такими связями разбрасываться нельзя.

Удивительно, у многих моих друзей и людей, с которыми меня связывает жизнь, имя Андрей или Михаил. Трое моих близких друзей с института — все Андреи, а они еще и одноклассники между собой, и друзья с первого класса! И люди с именем Михаил, которые сыграли в моей жизни значительную роль, упоминаются в этой книге не один раз. И почти у всех моих Андреев и Михайлов жены с именем Инна или Елена. Удивительно, но это так. Исключение составляет только один. Думаю, все это не случайно.

В том, что судьба сводит всех нас не случайно, я снова и снова убеждаюсь. Есть у меня друг, зовут его Дима. Мы познакомились на работе, уже когда я активно занимался недвижимостью. Думаю, что благодаря ему я смог построить красивый дом, потому что он познакомил меня именно с тем строителем,

Я ОТКРЫТ, И ПОТОМУ У МЕНЯ ЕСТЬ ДРУЗЬЯ.
ИХ МНОГО – И НОВЫХ, И СТУДЕНЧЕСКИХ,
И ШКОЛЬНЫХ. ТОЛЬКО С ДЕТСКОГО САДА, НАВЕРНОЕ,
НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ

который смог мне этот дом построить, как я хотел. Он познакомил меня с моим будущим партнером Михаилом. Он помог мне найти себя в смутные времена после моего первого развода. Кстати, его жену тоже зовут Лена.

Часто для того чтобы сыграть важную роль в жизни людей, которые нас окружают, нам не приходится делать что-то сложное и великое. Один поступок, одно слово может стать решающим для твоего друга, партнера, просто знакомого. Одно я знаю точно: чтобы это произошло, надо хранить отношения со старыми друзьями, не бояться находить новых и не бояться, что они могут таковыми для тебя стать. И все эти встречи нам предопределены.

Кстати, мой одноклассник Андрей признался мне однажды, что удивлен тем, как я могу вычислять старых знакомых, давно унесенных потоком жизни, и строить с ними прочные отношения просто потому, что я их знаю и считаю друзьями. Даже несмотря на то, что мы лет 10-15 не общались. Это он говорил не конкретно о себе – а в целом об этой моей особенности. У меня, действительно, особенное отношение к друзьям. Первую скрипку в нем играет моя открытость. И, думаю, в дружбе прежде всего ценится именно она. Многие люди сдержанны, замкнуты в себе, скрытны, и для них это нормально. Они никогда ничего «лишнего» и личного не расскажут о себе – не потому, что ущербны, просто по-другому они жить не умеют и,

видимо, считают, что утечка любой личной информации может повредить им, сделать уязвимыми. Я к ним не отношусь. Я открыт, и потому у меня есть друзья. Их много — и новых, и студенческих, и школьных. Только с детского сада, наверное, никого не осталось.

Не так давно я поймал себя на одном свойстве — казалось бы, очевидном, но именно очевидное человек склонен в себе не замечать. Слишком тщательно мой мозг, моя память стирает в моей голове негатив. Есть вещи, которые я не помню, а мне о них говорят: «Это было». И я понимаю: да, наверное, было, но все равно я этого совершенно не помню, хотя и готов согласиться. Мне кажется, что это качество сильно облегчает мне жизнь. Потому что, если бы я вспоминал и анализировал негатив, думаю, сделал бы много неправильных выводов. Недаром кто-то из известных людей сказал, что счастье — это хорошее здоровье и плохая память.

По молодости был у меня друг, не то чтобы закадычный, просто друг. И вот так случилось, что наши пути разошлись. То ли поссорились мы, то ли нет, то ли обидел кто кого, то ли нет — даже и вспомнить не могу! Но, так или иначе, а общение наше закончилось, и спустя лет десять я звоню ему и говорю, что не помню причину, почему мы прекратили отношения, что у меня осталось в памяти только хорошее:

— Андрей, — говорю, — сколько лет-то мы не виделись, не общались? Ты жив ли, здоров?

А он отвечает: «Дима, а ты не помнишь, мы в ссоре...» Меня этот ответ не устроил. Я говорю: «Нет, давай общаться!» И наши с ним отношения возобновились. Шаг навстречу — порой это выход из зоны комфорта. Но оно того стоит. Люди рождены, чтобы общаться. Если у тебя есть возможность восстановить отношения с человеком, с которым тебя что-то связывало, никогда не надо упускать такую возможность. Хотя бывает иначе. Есть люди, с которыми общаться легко — и тебе легко, и им. И у тебя с ними завязываются отношения, но потом судьба начинает вас разводить. Проходят годы, я забываю плохое и начинаю опять пытаться сблизиться с ними, — и судьба опять разводит нас. Это судьбоносные вещи — ничего не бывает просто так.

Не буду отрицать и того, что семейные и личные обстоятельства сказываются на дружбе. Но, тем не менее, сама дружба, претерпевая поверхностные метаморфозы, остается неизменной в своей сердцевине. Потому что она или есть или ее нет, она или поддерживается или нет. Вот это и есть суть, фундамент и цемент, которые не дают дружбе распадаться. Кста-

ти, дружба — это самое естественное лекарство от чувства вины, которое так часто мучает человека на сознательном или подсознательном уровне. Ты становишься ценным для кого-то уже потому, что просто дружишь с ним. Дружбу не надо доказывать — она рождается сама собой и живет сама. Ее лишь надо поддерживать, особенно когда наступают тяжелые моменты в жизни. Не переставай звонить своим близким сам и не обижайся, когда не звонят они. Ты для этого и нужен, чтобы не дать другу отключиться, когда дружба могла прерваться. И когда это понимание есть, приходят верные решения.

Как-то, учась на первом курсе института, около подъезда своего дома я встретил мою однокурсницу Аню, с которой мы познакомились еще на подготовительных курсах в институт. Выяснилось, что мы живем в одном доме и не знали об этом. С тех пор мы начали дружить и общались несколько лет, не расставаясь почти ни на один день. Сейчас этой дружбе уже 25 лет. А года через два после нашего знакомства я знакомлюсь с ее будущим мужем Васей. Мы с ним совершенно разные люди, но он тоже стал моим близким другом. Сегодня мы с ним общаемся чаще, чем с Аней. И когда мы задаем друг другу вопрос: почему мы стали друзьями, почему в течение долгих лет наша дружба не ослабевает, — ответ у нас одинаковый. Потому что для дружбы не обязательно быть похожими друг на друга характерами или взглядами на жизнь. Для дружбы важно уметь находить друг в друге то, чего нет в тебе, то, что тебе интересно, и то, чего тебе самому не хватает. Это и есть настоящая дружба.

Я человек семейный, не волк-одиночка. При этом я про себя знаю, что эгоизм — особенность моего характера. Может, потому что я был единственным ребенком в семье — мамин любимый сын. И этот эгоизм проявляется теперь уже в моих семейных отношениях. Я чувствую, что моей семье не хватает меня.

А на дружбе это мое свойство не отразилось. Жена ревнует меня к друзьям. Мне же интереснее с ними, потому что жена рядом, а друзей я вижу эпизодически. Конечно, и внимание ей нужно другое, не дружеское. Друзьям мне хочется похвастаться чем-то, рассказать, поделиться. Когда со мной друзья, я душа компании, когда прихожу домой — все по-другому, мне уже хочется расслабиться. Возможно, так у всех, и это называется быт. Мне не очень хочется о чем-то разговаривать дома. Я погружен в какие-то свои мысли и процессы. Любую женщину это заденет, она хочет быть для своего мужчины главной. Кто-то больше внимания уделяет своим женщинам, у меня не получается. Таким уж я вышел.

«...От наших сказочных времен»

Истории общения с друзьями у всех, думаю одинаковые. Ну не рассказывать же, как мы встречаемся и выпиваем! Хотя... именно с этого порой и начинается эпоха.

1991 год. Лето. Мы, трое одноклассников — я, Андрей и Олег, отправились на Финский залив по путевке. В пансионат «Чайка». Путевка была льготная, поскольку какая-то американская фирма проводила в пансионате то ли курсы, то ли семинар и зазывала туда людей. А мы — студенты-первокурсники, и это значит, все, что дешево — то наше! Вот мы и приехали.

На месте, правда, выяснилось, что попали мы не в пансионат и не на курсы, а в какую-то полусекту. Американцы, которые это мероприятие проводили, первое, что сделали — собрали всех приехавших. Люди прибыли на отдых, народ разношерстный: кто-то с семьей, с детьми, кто-то как мы. И вот, вышел их представитель Майкл и вещает: «Давайте договоримся так: мужчины живут на первом этаже, женщины — на втором. Мы не пьем, не курим, не ругаемся и ходим на все семинары». Семейные спрашивают — а как же нам быть? Майкл ответил, что так же — мальчики налево, девочки направо.

Мы внимательно выслушали эту муть и в первый же день напились спирта «Royal», который привезли с собой. Приключения не заставили себя ждать. На берегу Финского залива мы познакомились с двумя прекрасными девушками. Поскольку как мальчики мы жили на первом этаже, чтобы не смущать персонал, мы вышли на улицу через балкон и напрямую — на пляж, где мимо нас и прошли девушки. Олег подбежал к ним: «Девушки, у вас кипяточка не найдется?» Они ответили, что он у них в номере. Девушки тоже были из пансионата, только другого, без сектантского мракобесия.

И дальше началась очень интересная история. Мы познакомились и договорились вечером встретиться. Встретились, всю ночь гуляли, пили спирт и к себе в номера вернулись только утром — через балкон и с девушками. Как полагается, покурили с утра и выпустили девушек опять-таки через балкон. Но тут случилось непредвиденное: кто-то из них забыл у нас в номере свое полотенце, и одна вернулась — естественно, тем же образом. А вот потом мы уже на автомате эту девушку выпустили через дверь.

Именно в тот момент по коридору проходил Майкл. Он увидел, что из нашего номера — на мужском этаже — вышла девушка и, конечно, пошел проверять. Распахнул дверь и увидел картину: пьяные замученные физиономии в клубах дыма, в номере, из которого только что вышла девушка. Произнес три слова по-английски и перевел на русский: «До свидания». Как мы ни пытались ему объяснить, что нам и жить негде, и уехать не на что, — выгнал из пансионата. Сволочи вообще все эти американские сектанты!

Оказавшись на улице, мы пересчитали деньги, которые у нас остались, и пошли за едой. Купили много хлеба и творога, который, понятное дело, пропал на следующий день, поскольку хранить его негде было, а съесть весь сразу не смогли. Купили какие-то «Сытники», думали, это что-то вроде котлет, которые можно будет пожарить на костре. Оказалось — сырое тесто!

В костре оно не жарилось, и мы нашли какую-то старую ржавую дверь. Стали жарить «Сытники» на ней. Дверь нагрелась, и выяснилось, что, прежде чем она попала к нам, на нее кто-то долго и упорно мочился. Тесто размазалось по двери и все равно не прожаривалось, но есть очень хотелось, и мы его съели. Родители, понятное дело, ничего о наших приключениях не знали, пребывая в спокойной уверенности, что их дети культурно отдыхают в пансионате на берегу Финского залива.

Ночь мы провели в лесу. Так прошел второй день, и нам уже ничего не оставалось, как пойти к нашим знакомым девушкам. Мы объяснили им ситуацию. Они накормили нас всевозможными консервами, а потом — поскольку сами были из Ленинграда, отдыхали здесь уже не в первый раз и всю округу успели изучить достаточно хорошо — отвели нас к какому-то заброшенному домику, где никто не жил. Окна в нем открывались внутрь, в комнате были две железные кровати. В него мы быстренько и заселились.

Помнится, спали втроем на этих двух кроватях. Девушки подкармливали нас зеленым горошком, и мы запивали его спиртом. Так прошел еще один день, а потом нас заприметил сторож и выгнал.

Тогда у нас осталась последняя надежда. Мы собрали оставшиеся деньги: хватало на одно койко-место в пансионате, где жили девушки. А расчет наш был такой, что место дадут явно в двухместном номере, и все мы там пристроимся. Андрея приодели, дали ему паспорт в руки и отправили снимать номер. Получилось все, как мы и предполагали. Он снял номер, и мы все втроем в нем жили. А еще дополнительным удобством оказалось то, что у нас с девушками был общий балкон. Так мы сдружились.

МАЙКЛ РАСПАХНУЛ ДВЕРЬ И УВИДЕЛ КАРТИНУ:
ПЬЯНЫЕ ЗАМУЧЕННЫЕ ФИЗИОНОМИИ В КЛУБАХ
ДЫМА – В НОМЕРЕ, ИЗ КОТОРОГО ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА
ДЕВУШКА. ПРОИЗНЕС ТРИ СЛОВА ПО-АНГЛИЙСКИ
И ПЕРЕВЕЛ НА РУССКИЙ: «ДО СВИДАНИЯ»

Вскоре к одной из девушек приехал ее молодой человек, с которым мы тоже подружились. Он отпаивал нас по утрам все тем же спиртом.

Несмотря на все тяготы, время мы тогда провели отлично! С тех пор прошло уже 24 года, и мы по сей день дружим очень тесно.

Одна из девушек с течением времени выпала из общения, а вторая, к которой парень приезжал, вышла за него замуж. У них двое детей, уже взрослых. Старшая дочь уже практически того же возраста, что были мы, когда познакомились.

В последние годы в Питер чаще приезжаю я, Андрей реже. Когда ребята приезжают в Москву, мы тоже всегда встречаемся. И все наши встречи всегда очень яркие, будто мы возвращаемся в те годы. И все традиции наши, что сформировались во времена нашей юности, остались и сохранились. Как и много лет назад, мы пьем шампанское на перроне из горла.

Эта история – классический пример таких вот мимолетных встреч и знакомств, которые перерастают в близкие отношения. Все то, что по чуть-чуть совпало со всех сторон: и как познакомились, и как нас выгнали, и как барышни нам помогли! Насколько все это оказалось в одной истории, в одном моменте встречи и насколько незаметно переросло в настоящую дружбу!

Не обошлось без игры судьбоносных случайностей и в тех отношениях, которые привели меня к моему бизнесу. Хотя почва для них была подготовлена еще в детстве. Школу я окончил неплохо, но одна тройка у меня в аттестате все же была. Понимая, что надо поступать в институт, я рассматривал разные варианты. Подал заявление сразу в четыре ВУЗа — институт стали и сплавов, горный, нефти и газа, историко-архивный. Чем я руководствовался? В первую очередь, чтобы там не было физики — как я уже говорил, у меня с ней отношения не складывались. В итоге выбор мой остановился на факультете информатики историко-архивного института. Надо сказать, что в школе я этой темой увлекался. В старших классах у нас был такой предмет — УПК, учебно-производственный комбинат, где нас готовили к выбору будущей профессии. И там, среди прочих, можно было выбрать профессию пользователя персонального компьютера. Конкурс был высокий — пять человек на место! Тем не менее, я смог поступить в эту группу, хотя познания мои были невелики. Поэтому, когда мне задавали вопросы, например, про магнитный диск и дискеты, я фантазировал, исходя из логики и того, как сам это понимал: на диске хранится информация, дискета помогает ее переносить — и так далее. Я знал, что такое компьютер и как он выглядит — не более. Думаю, меня выручила комбинаторика мышления.

Меня приняли, и это была случайность. Просто повезло.

Когда начались занятия, я зафанател страшно! В кабинетах, где УПК проводили, по тем временам, были суперсовременные машины — по 40 мегабайт, и все было суперкруто! К тому же, параллельно с этим, с девятого класса у нас в школе начали преподавать информатику.

Я балдел! Мог проснуться среди ночи и начать перебирать свои дискеты, чтобы посмотреть что-то, проверить. Все это для меня было интересно страшно!

А поступив в институт, понял, что люди вокруг вообще не понимают, что это такое — информатика, компьютеры, программирование! Первый семестр проучился, освоился и, не особо старательно сдав первую сессию, во втором взялся за

голову. Решил стать примерным — и что изменилось? Ничего. Оказалось, скучно. Решил, что надо идти работать, а не фигней страдать.

Я уже упоминал о своем опыте работы сторожем и агентом по продажам в студии «Полиграм». Это были «мои первые книжки». А на третьем курсе я стал заниматься недвижимостью. Однокурсник сказал: «Мой друг фирму открыл. Будешь заниматься офисами?» — «Буду», — отвечаю. Так я возглавил отдел нежилой офисной недвижимости — с этого началась моя карьера. Думал ли я, что это надолго? Конечно, нет! Я просто искал источник заработка. Впрочем, в те годы по всей России с зарплатой были перебои.

Нормальные деньги стали у меня появляться в двадцать один год, когда после института я начал плотно работать. Несмотря на то, что тетя Лариса устроила меня программистом в институт теоретической и экспериментальной физики, чтобы я мог получить бронь от армии, я продолжал заниматься недвижимостью. Совместить это было несложно, поскольку мы с начальником договорились: я на работу буду приходить только по необходимости, а он — распределять мою зарплату между сотрудниками. Меня это устраивало. И их устраивало. А свой заработок я получал, занимаясь недвижимостью — сразу после института у меня появилось собственное дело.

И мое дело вначале тоже было делом случая.

Шел я как-то на работу. Выйдя из дома, направлялся к метро «Чертановская». Вижу — навстречу мне идет молодой человек примерно моего возраста. Мы почему-то оба посмотрели друг на друга внимательнее, чем на любого прохожего, и оба прошли мимо. Затем — тоже оба! — обернулись. Он — мне: «Вы не Дима?» Отвечаю: «Дима». Он: «А я Андрей. Мы вместе на компьютерные курсы ходили».

Он был другом и одноклассником парня — его Сережей звали, — который три года учился в моем классе, а потом перешел в другую школу (которую, кстати, оканчивал Абрамович — тут мне тоже провидение подмигнуло!) — и мы с ним после этого встретились только на УПК. И вот я случайно сталкиваюсь с Андреем.

Стали общаться. У нас завязалась дружба.

Быть может, открытость дружбе напрямую связана с открытостью случайностям? Точно этого не скажет никто, но мне думается, связь очевидна. Открываясь, ты, согласно формальной логике, более подвержен опасностям, но то, что ты приобретаешь, перевешивает их. И таким образом ты становишься сильнее...

ЛЕНИНА

СКАЯ

ВИЖУ – НАВСТРЕЧУ МНЕ ИДЕТ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
ПРИМЕРНО МОЕГО ВОЗРАСТА. МЫ ПОЧЕМУ-ТО ОБА
ПОСМОТРЕЛИ ДРУГ НА ДРУГА ВНИМАТЕЛЬНЕЕ,
ЧЕМ НА ЛЮБОГО ПРОХОЖЕГО, И ОБА ПРОШЛИ МИМО.
ЗАТЕМ – ТОЖЕ ОБА! – ОБЕРНУЛИСЬ

Андрей ко времени нашей нечаянной встречи уже очень хорошо зарабатывал. Мы были ровесники, и в двадцать один год по тем временам он уже крепко стоял на ногах — у него был свой автомобиль, телефон сотовый. Он убедил меня, что надо не на дядю работать, а свое собственное дело открывать. И благодаря тем отношениям, которые сложились у меня на работе, я забрал своих клиентов и начал с ними работать отдельно. Андрей меня профинансировал на покупку факса, потом мы добились аренды офиса на год, и все! Я открыл свое дело, он стал моим партнером, и мы начали с ним работать.

Так случайная для меня недвижимость стала моей профессией. Я не инженер, в строительных процессах я до сих пор мало что понимаю. Мне интересны финансы и менеджмент... но я остался в недвижимости, когда увидел, что она может привести меня к конечному продукту, к моей мечте — дому. А потом я просто концептуально въехал в эту сферу, прочувствовал нюансы — и дело пошло.

Среди моих клиентов, которых я забрал с прошлой работы, был человек, который впоследствии оказался для меня знаковой фигурой. Михаил — не путать с моим другом Мишей, о котором я уже рассказывал, — тоже учился в школе Абрамовича, да и фамилия его перекликается с олигархической. Такая вот мистика получается! Благодаря ему я начал независимо работать. Миша — мой первый клиент, мой «шеф» и наставник,

человек, под запросы которого я изначально нацелил весь свой бизнес.

Мы вели с ним дела более пятнадцати лет, на протяжении которых он, без преувеличения, был моим учителем. И учителем жестким — можно сказать, что Михаил Юрьевич заменил мне армию. Не скрою, он был скуп, как и большинство бизнесменов. В годы работы с ним я получал меньше, чем рассчитывал. И, тем не менее, я ему благодарен. Ведь учил он меня бесплатно. Он показал мне, как надо организовывать людей, как выстраивать стратегию, как в принципе смотреть на вещи. Он помог мне поверить в себя.

Потом наши пути разошлись, и мы расстались, но я, как и прежде, продолжаю называть его «мой шеф».

Кстати, здание, которое я могу в полной мере назвать своим первым самостоятельным проектом, благодаря которому наши отношения с шефом стали равноправными, — оно тоже косвенно имеет отношение к школе Абрамовича. Просто потому что находится на той же улице — Трубной. Бог троючку любит? Возможно, но, по-моему, он также любит подшутить над нами иллюзорной многозначительностью совпадений. То офисное здание на Трубной строилось в 2002-2003 годах. До этого я познавал азы бизнеса. Было много других проектов, но там я либо участвовал в небольших долях, либо это были просто отдельные квартиры или офисы. Здесь впервые мы с Мишей вложились «50х50».

Эта история принципиально изменила мой путь в бизнесе. Именно в тот момент, когда наши дороги с шефом расходились, я неожиданно встретился с человеком, который стал моим новым партнером. Здесь тоже не обошлось без совпадений. Его тоже зовут Михаил. У этого Михаила день рождения со мной в один день. Мало того — наш первый заказчик, для которого мы реализовали этот проект, — тоже родился в этот день, только в другом году. Видимо, совпадения — мой конек...

А началось все с экспромта. Ко мне зашел мой старый друг. И, к слову, не просто друг, а еще и папа моего крестника. И он познакомил меня с этим, еще одним в моей жизни Михаилом — на предмет каких-то совместных идей. И я ему тут же идею подкинул — один отвергнутый шефом проект, который лично мне казался перспективным, но Михаил Юрьевич считал иначе. И так бы этот проект и пропал втуне, если бы не случай! Это была судьбоносная встреча. Все очень быстро закрутилось — недели через три уже подписали контракт и приступили к реализации нашего замысла. Перед нами стояла задача — осуществить девелопмент. Это деятельность по созданию объекта недвижи-

мости, реконструкции или изменению существующего здания или земельного участка. Образно говоря, это превращение сарая в конфетку. Есть участок земли, на котором, допустим, давно пустует заброшенный долгострой или просто строение, утратившее свое прежнее предназначение. И вот его превращают, к примеру, в офисный центр. Что мы и осуществили.

Мы занимались этим проектом три года. В общей сложности получилось 10 тысяч кв. метров в трех зданиях. По иронии судьбы этот комплекс был построен прямо за оградой объекта, который принадлежал моему шефу! И это усилило его негатив. У него же всегда была политика расширения... по сути иногда и рейдерства. Но своим строительством мы ему этот путь отрезали... Он был зол. Однако хочу подчеркнуть, что мы не ссорились и ничего не делили. Наша совместная работа завершилась естественным ходом жизни, а не оборвалась конфликтом. Просто бывают ситуации, когда тот, кого ты считаешь авторитетом и своим учителем, ошибается в прогнозах. И нужно уметь гнуть свою линию. Через какое-то время мы с моим новым партнером снова занялись строением, на которое в свое время Михаил Юрьевич положил глаз. Сделали усиление несущих конструкций, надстроили этаж. И все получилось. Миша же утверждал, что «выжал» из этого здания все. В общем, мы опять пошатнули его самолюбие. Но ненамеренно. Подчеркиваю, что мы разошлись мирно.

«...И в моей руке будет туз,
а в твоей будет джокер»

С Андреем вышло иначе. Есть люди-джокеры, чья роль в нашей жизни судьбоносна и противоречива. Тот, кто глубинно влияет на нас, не может остаться в памяти однотонно безмятежным. Иной раз, выходя из такой игры, мы получаем опыт врага. Когда, казалось бы, не делая никому зла, становишься объектом обиды или ненависти. Волны от этих потрясений еще много лет будоражат реку жизни. Но надо плыть по ней дальше. И это тоже очень важный опыт — двигаться вперед, оставаясь верным своей внутренней правоте. Которая — и это знакомо каждому мыслящему человеку — не отменяет вечных сомнений...

Знакомство с Андреем, конечно, было вехой на моем пути. Не встретился бы я с ним сперва на УПК, потом на выходе из станции метро «Чертановская», не обернулся бы он тогда, проходя мимо, и не окликнул бы меня — вся моя жизнь сложилась бы иначе. Сначала наши отношения были просто дружескими — мы встречались, общались, у нас были общие друзья. Один из них — Алексей, изначально он был другом Андрея, сейчас работает у меня.

Мы создали фирму. И именно с Андреем мы придумали ее название. Первое время приходилось пахать. Но в какой-то момент я заметил, что Андрей перестал что-либо делать вообще. Все его участие заключалось в том, что он рассуждал, какие все вокруг дураки. Я несколько раз говорил с ним, предупреждал его о последствиях, но однажды поставил точку. Я отключил его от совместного бизнеса. Теперь он считает себя обиженным.

Когда возник этот конфликт, то Алексей принял мою сторону и решил остаться со мной, несмотря на то, что с Андреем его связывало больше. Впрочем, и со мной на тот момент времени он общался уже годы. Теперь прошло лет пятнадцать, если не больше, как мы разошлись, и сколько же раз я с тех пор слышал об Андрее! Он будто идет за мной по пятам...

Сейчас это очень состоятельный и довольно известный в определенных кругах человек. Летает на своих личных самолетах. Но репутация у него плохая. Я часто слышу от общих знакомых негативные отзывы о нем: за эти годы, как оказалось, он успел попить крови далеко не только мне. Я нередко

встречаю людей, которые знают его и при одном лишь упоминании о нем начинают чертыхаться и плевать. Есть в его личности много темных сторон. Он не общается со своей мамой, из старых друзей у него почти никого не осталось — тех, что были у нас в молодости. Так, иногда с кем-то созванивается. Все это очень печально с моей точки зрения.

И вот что удивительно: несмотря на то, что Андрей много раз в мой адрес нелестно отзывался, он на прошлой неделе звонит мне и говорит, что хочет сделать мне какое-то коммерческое предложение! В здравом уме я не начну с ним больше дел. Он лет двадцать меня ненавидит и считает себя обиженным, а теперь собрался делать мне коммерческое предложение?! Впрочем, это в его духе...

В любом конфликте две правды. Вроде банальность, а привыкаешь к ней долго. Смиряться с тем, что нет абсолюта твоей правоты. Хотя важнее то, что конфликт в принципе не конструктивен. В особенности это касается работы. Тем не менее люди, занятые на верхних руководящих позициях, менеджеры в крупных компаниях только этим и живут — постоянно с кем-то ссорятся, выясняют отношения, наушничают друг на друга, наступают друг другу на голову. Вовлекаясь в ссору, я всегда это делаю в силу своего эмоционального состояния — и неизменно потом жалею. Я по натуре своей человек вспыльчивый. Не чрезмерно, конечно, но иногда не могу контролировать свои эмоции, за что впоследствии всегда виню себя. Потому что мне это мешает жить.

В противовес же конфликту есть конкуренция, желание быть лучше, личные амбиции. Они неоднозначны. Амбиции — это не то качество, которое в первую очередь вызывает доверие или симпатию к человеку. И они бывают разного свойства. Иные амбиции ближе к темной стороне натуры, но приводят к положительным результатам. Люди с такими желаниями и честолюбивыми стремлениями обычно многого добиваются и не только для себя.

Главным конфликтом в моей жизни были отношения с первой женой. Хотя правильнее даже будет назвать это не конфликтом, а катастрофой! Предательством...

Но все, что ни делается, — все к лучшему, потому что благодаря этим потерям я обрел семью, детей и уберегся от очень серьезных проблем, которые могли возникнуть в будущем. У любой медали две стороны...

Собственно, вот так же можно рассматривать и ситуацию в бизнесе. Я перестал работать с моим бывшим старшим партнером и наставником Михаилом, посчитав это единственно возможным выходом. Мое решение было взвешенным и выстраданным. Но это не значит, что при этом я ничего не потерял. Теперь мне очень не хватает советов человека, с которым я работал пятнадцать лет в ежеминутном режиме...

Но любое изменение дает новые возможности, которые я и получил. Важно, не кто виноват, а какие уроки мы из этого выносим и как ведем себя дальше.

Если же говорить о каких-то мелких, бытовых конфликтах, думаю... — да что там думаю, почти уверен! — что до женьбы я обидел большое количество женщин. Это были романтические отношения в разные годы жизни и понятно, что расставание всегда болезненно. И как объяснишь человеку, от которого уходишь, что ты нашел что-то лучшее... Любой с этим сталкивался в молодые годы.

Но я не считаю эти истории важными, поскольку сюжет у них один — мелкие победы и проигрыши молодости. А по большому счету я не вижу вокруг себя людей, которых я бы предал. Но, опять же, это только моя правда, а кто-то, быть может, сидит в кресле, читает эти строки сейчас и думает: ну, и сволочь же ты, меня-то ведь предал!

И все же предательство — тяжелый груз, с ним не взлетишь. Нельзя предать — и не заметить! Если бы я знал, что предал кого-то или даже мог это предположить, я бы попытался это исправить и все время об этом думал бы, пока не загладил бы вину. Если бы это было возможно...

Точно знаю, что не смог бы быть наемным работником. Я бы лежился, потому что мне было бы неинтересно. Мой принцип — пускай будет маленькое дело, но свое. У меня, как говорится, средней руки бизнес. Я не могу назвать себя богатым человеком. Моя фирма родилась в конце 1990-х. Это уже была другая история, нежели в самом начале этого эпохального десятилетия. Тогда классический путь предпринимателя выглядел примерно так: сначала шьют куртки, потом пришивают итальянский лейбл, потом перепродают пуховики — и пошло-поехало. Потом развилась кредитная система, банковское дело. И вот эти бизнесмены первой волны стали давать кредиты, а мы, следующее поколение, брали их в долю... Проще говоря, мы успели «подкормиться» у тех, кто в 1990-е поднял большие капиталы. Мы стали работать у них менеджерами и таким образом начали формировать свой финансовый базис. А нынешняя эпоха порождает другие схемы. Сейчас мало кто открывает свое дело. Перспективная молодежь едет получать образование за границей и старается там остаться. На это, безусловно, есть свои причины.

А для меня очень важно, что я, вместе со своей командой, один из немногих на отечественном рынке создаю собственный продукт — здания. У меня получилось соединить бизнес и любимое дело. Впрочем, как говорится, судьба — это характер. Изначально у меня... не было любимого дела. Такого глубинно-трепетного способа самовыражения, которым многие жертвовали ради заработка в 1990-е годы. Друзья говорили — у тебя нет хобби. Но это не совсем так. Я просто попал в недвижимость, открыл свое дело и, собственно, моим увлечением стала работа. И все мои хобби, которые у меня появились позже, естественным образом произросли из моего базисного занятия, стали ответвлениями от основного вектора развития.

Взять хотя бы мою собственную недвижимость. Дом — это ведь не только стены и крыша над головой, это еще и земля. Это целая среда обитания, мой микрокосм, уголок планеты, который я обустроиваю. Сначала я посадил на своем участке сад — более ста деревьев: ели, сосны, клены, дубы, яблони, вишни, груши... На какое-то время погрузился в садоводство. Потом

увлекся созданием пруда и разведением рыбы, для чего в буквальном смысле постигал азы ихтиологии. Тут вообще все было серьезно! Специалисты, маститые профессора, не верили, что в моем искусственном пруду рыба будет плодиться. Однако у меня прижились и стали размножаться даже раки и толстолобики, которые очень чувствительны к качеству воды!

Глядя, как мои дети дома занимаются пением, сам решил этим заняться. Сначала пел только на русском, но, когда дело коснулось оперных текстов, взялся за изучение итальянского языка.

Тема виноделия тоже не обошла меня стороной, хотя никогда ранее не была близка. Что стало причиной — то ли любовь к садоводству и желание что-то вырастить своими руками, то ли знакомство с человеком, который показал мне правильное настоящее вино, то ли потому, что молдаване, работающие у меня дома, много рассказывали мне об этом искусстве, то ли потому, что просто люблю красное вино, но в один прекрасный день мне самому захотелось научиться вино создавать. Теперь каждый год мы привозим из Молдавии и Крыма свежий, только что взятый с полей виноград, наш хозяйственный блок дома на несколько дней превращается в винодельню, и я делаю вино. По этой же причине дома появился винный погреб. Хотя в нашем доме нет подвала, я намеренно от него отказался, все же небольшой погребок для хранения картошки, как я всем говорил, я все же сделал. Тогда все смеялись над этим. Я и догадаться тогда не мог, что у этого погребка такое интересное будущее.

Словом, всякий раз я погружался в совершенно незнакомую для меня область знания, и это оказывалось для меня интересным...

А когда возникла насущная необходимость кормить семью экологически чистыми продуктами, я стал сам выращивать овощи, чего никак от себя не ожидал... Началось все с участка земли, который мы с мамой купили еще в начале 1990-х. Земля эта находилась далеко, в 300 км от Москвы, но в местах с историей. Наша деревня Мокеевка расположилась в тех самых муромских лесах, в которых по легенде обитал Соловей-разбойник. Красная Горбатка, в которой находилось его логово, — это ближайший к Мокеевке населенный пункт, расстояние между ними — 30 км. В свое время мама построила на этом участке домик, и он был мне дорог как память о ней. Все годы после маминой смерти я бережно приглядывал за ним, ремонтируя то крышу, то фундамент, то фасад. Мне несколько раз предлагали его продать, но мне казалось, что, продав его, я предаю память о маме, ведь там все о ней напоминало — каждый раз

СПЕЦИАЛИСТЫ, МАСТИТЫЕ ПРОФЕССОРА,
НЕ ВЕРИЛИ, ЧТО В МОЕМ ИСКУССТВЕННОМ ПРУДУ
БУДЕТ ПЛОДИТЬСЯ РЫБА. ОДНАКО
У МЕНЯ ПРИЖИЛИСЬ И СТАЛИ РАЗМНОЖАТЬСЯ
ДАЖЕ РАКИ И ТОЛСТОЛОБИКИ, КОТОРЫЕ ОЧЕНЬ
ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ К КАЧЕСТВУ ВОДЫ!

я приезжал туда как в музей моего детства из-за количества вещей, оставшихся с тех времен. Но смотреть, как он пустует, тоже было тяжело. И вот однажды, когда моя жена в очередной раз упрасивала меня выделить ей дома больше места под огород, мне в голову неожиданно пришла идея. И я решил эту землю продуктивно использовать. Купил три соседних участка, поставил теплицы, распахал землю, нанял работников, поселив их в мамином доме... и дело пошло. Мне очень помогло то, что мои интересы совпали с начинаниями маминой подруги детства, которая, живя по соседству, в это же самое время решила заняться сельским хозяйством в промышленных масштабах. Повторюсь, это произошло абсолютно случайно. Хотя, как мы знаем, случайностей не бывает. И вот в моем распоряжении оказался трактор, агроном, в унисон со мной мыслящие соседи и мамин дом, получивший новую жизнь. У меня там что только ни растет — помидоры, огурцы, картошка, морковь, лук, кабачки, патиссоны, капуста, тыква! Я уже у себя дома оборудовал овощехранилища и изучаю тонкости выращивания и хранения... в который раз убеждаясь, что на какую бы стезю я ни вышел — мне важно создавать собственный продукт. Акт творения — пусть даже и в масштабах своего приусадебного хозяйства.

27. О местечковом православии и католических яблоках

Истинная вера в Бога — легкая и естественная, как дыхание. И — дело исключительно интимное. Это очень личные отношения Бога и человека. Мне так кажется. К религии я отношусь сдержанно. Никого не хочу осуждать и ничего не имею против церкви, но это не единственное отношение человека к Богу — через церковь, через религию. На первом месте, я считаю, должен находиться сам человек и его вера, так как Бог — внутри человека, а церковь — на втором.

А как я к Богу пришел? Точно не потому, что кто-то взял меня за руку и привел. Мне никто не навязывал ни религии, ни веры. Это был мой и только мой сознательный выбор. Мне было тогда семнадцать лет.

История крещения в моей семье началась с того, что я сам случайно нашел свою церковь. Церковь Николы в Хамовниках. И на уровне ощущений мне захотелось в ней креститься. Это был мой самостоятельный выбор — и само крещение, и место крещения. Крестной стала мамина подруга детства — мне показалось, что именно она должна была ею стать! — очень верующая женщина.

Церковь Николы сразу стала для меня основной. В нее я и сам ходить начал, и детей своих крестил именно там. Все остальное было «не то». Спустя годы я узнавал, что в разные времена многие мои знакомые тоже приходили именно сюда. И многие рассказывали, что важные жизненные решения приходили к ним именно здесь.

Хотя церковей много, и многие мои знакомые, и я выбрали именно эту. Для меня это очень значимое место.

Принято думать, что если в зрелом возрасте человек идет в церковь и принимает крещение — значит, у него несчастье, семья воцерковленная или он попал под чье-то влияние. Но наша семья ни верой, ни религиозностью не отличалась. И мы даже не говорили дома на эти темы. Все, что я знал об этом, так это то, что бабушка была крещеной. И мама, несмотря на то, что это было под запретом. Они были православными. Я знал, что мама верила в Бога, но это было глубоко погружено в ее внутреннюю жизнь. В этом смысле она никак не пыталась влиять на меня. А папа не был верующим. Да и годы какие были! Если

ты комсомолец или член КПСС, то никакой веры, никакого бога, никаких походов в церковь быть не должно...

Так что я не могу точно назвать причину своего крещения — четкой причинно-следственной связи здесь не было. Можно сказать, что я пришел в церковь с каким-то внутренним ощущением, что так правильно. Есть вера, и есть ощущение ее внутри себя. Но вера и религия — не одно и то же. И отношение к религии у меня двойственное. Связано это с тем, что сама эта сфера, как мне кажется, создана искусственно с целью управления массами. Как закон, как средство утверждения порядка. В средние века управлять людьми было сложнее, тогда было меньше конституциональных правил и больше — церковных. Закон государственный переплетался с Законом божьим. И насаждение веры разными способами, как все мы прекрасно помним из школьных уроков истории, — это и есть разные продукты религии. Но многие религиозные правила и нормы — а за примерами далеко ходить не надо! — сегодня не актуальны.

На мой взгляд, религия могла бы чуть больше адаптироваться к текущему моменту времени. Современный человек уже мало соответствует тому образу начала времен... Кроме того, я, наверное, с религией не очень согласен в связи с тем, что она, в отличие от веры, разделяет людей. Человек не может чувствовать себя свободным в выборе веры именно по этой причине. Вот, спросите людей, сколько богов есть — 90% ответят, что Бог един, но при этом все они будут верить в «своего» и ходить в «свою» церковь. У меня внутренний протест против конфессиональных рамок...

Мои предки самых разных кровей. Евреи, поляки, украинцы. А кем я себя считаю? Наверное, все же я русский. Интересно было бы проследить религиозную историю семьи, как она с разных сторон шла и развивалась — вероисповеданий было много. И могу сказать, что православие у меня, как, наверное, и у большинства живущих в нашей стране, — своеобразное проявление местечковости, что ли... Я нахожусь, я живу в том месте, где по большому счету меня окружают православные, и потому тоже выбираю православие. Мне легче сделать этот выбор при таких обстоятельствах. И это нормально. Однако при всем при этом решающим здесь является вера в Бога — она на первом месте, не религия.

Я не был знаком с иудаизмом. С католицизмом был — на Мархлевке, которая сейчас называется Милютинским переулком, где мы жили с родителями, находился костел — единственный действующий в Москве в советское время. Он и по сей день там. И я с мальчишками часто лазил в его сад за яблоками,

заходил внутрь и могу сказать, что внутреннее убранство костела мне ближе, чем в православной церкви. Потому что я себя там чувствую свободнее. Мне нравится, что в костелах есть скамеечки, на которые можно присесть, хотя в православной церкви считается, что ты не имеешь права сидеть перед богом. И чем больше в религии таких атрибутов, тем дальше, на мой взгляд, она от веры.

Иногда мне кажется, что корни моего экзистенциального экуменизма кроются в месте моего рождения. Мархлевка — самое французское место Москвы. Здесь в XVIII веке проживала французская община. В связи с этим два из трех католических храмов столицы выходят на эту небольшую улицу. Это храм св. Людовика Французского и храм св. апостолов Петра и Павла, — не путать с кирхой Петра и Павла в Старосадском переулке! — построенные в 1830-х годах.

Рядом с храмом св. Людовика расположен французский лицей имени Александра Дюма, в котором до революции было реальное училище, затем химико-индустриальный техникум, позже — школа рабочей молодежи. И сам я учился во французской школе. Впрочем, этот французский след больше повлиял на другую часть моей жизни, о чем я скажу позже. Но порой мы и сами не можем предположить, как «причудливо тасуется колода» — причин и следствий...

К слову сказать, когда я крестился, крестная купила мне особенный крестик. В то время, если кто помнит, в моде были крестики вычурные, «с наворотами», а она искала самый простой, без излишеств, и нашла. Но он оказался католическим. Его отказывались освящать, потому что он без реквизитов православного креста. А потом священник один сказал: «Крест и в Африке крест» — и освятил.

28.

Personal Jesus

Если убрать все напускное и оставить суть — она правильная в любой религии, ведь все Писания от разных богословов изначально несут правильное, единое послание и одинаковые постулаты. А человек, мне кажется, сегодня безграмотен в отношении церковной культуры. Давно уже говорят, хотя и не очень уверенно, что при переписывании церковных книг передаваемые в них факты искажались. Мы это уже знаем — или предполагаем, — но продолжаем искажать их и сейчас. Два человека могут держать в руках одну и ту же церковную книгу и по-разному ее трактовать!

Бог внутри человека, надо только открыть сердце и впустить Его туда. Связь человека с Божественным есть всегда — вопрос в том, чувствуем мы этот канал или нет, следуем за ним или отключаем. Правильно жить параллельно с ним, потому что тогда возникает ощущение, что все нас окружающее в мире настолько организовано, что элемент случайности отсутствует вовсе. Как человек может сказать: «Я сам себя создал»? Ведь это не так! Хотя бы потому, что мы не знаем, откуда пришли и куда уйдем. Анализировать-то мы можем только на этом коротком бытийном отрезке. Объективные выводы нам не доступны. Любой здравомыслящий человек понимает, что в мире все не просто так. И потому надо прислушиваться к правилам — существовавшим уже до нас, существующим при нас и к тем, что будут после, тоже надо прислушиваться. Это и есть — в моем представлении — вера.

А вот что такое Бог? Его можно называть по-разному: и космический разум, и единое вселенское мироздание, и как угодно, — важно, что, с моей точки зрения, каждая минимальная единица пространства и всего нашего мироздания и есть частичка Бога, а все вместе — и есть Бог. А дальше — я не готов влезать, потому что любой скептик задавит вопросами, ответов на которые я не знаю. Нам пока рано знать, что стоит за тем, что за этим, мне бы в себе разобраться. Все, что нас окружает, каждого из нас, это и есть персональный Бог каждого — он и единый, и общий. Быть может, у кого-то он даже VIP — нам не дано судить...

Был у меня один коллега, в возрасте. Он всегда был атеистом и в шутку говорил, что Бог не слышит каждого, потому

что нас много, а он один. Поэтому и заниматься всеми он все равно не может. Довольно распространенное житейское представление. Я же думаю иначе: нельзя переносить Божественное на наше субъективное представление о реальности. Один не может помочь миллионам? Да кто сказал! В целом-то у Бога, как мне кажется, объективно гораздо больше задач, чем просто помочь человеку или наказать. Да и сам человек более сложное создание — божественное. Бог многое сделал для человека, и у него много задач, космических, более важных, нежели разгребать наши проблемы, которые уж точно создали мы — не Он.

Ведь религия, с материалистической точки зрения, это что? Это некая общественная проекция — некая система подхода сообщества к Богу, коллективное отношение к вере. Поскольку человек существует в обществе, а общество — это система, и человек не может без этой системы обходиться. Вот здесь и возникает религия. Ее основная цель, лежащая на поверхности, — помощь конкретному человеку. Но человек-то идет дальше и использует религию уже как инструмент власти, прикрываясь промыслом божьим. «Давайте, ребята, руки мыть перед общением с богом!» — например... И вроде это Бог так сказал, и значит, надо делать, а я не уверен! Хотя это и правильно, руки мыть с точки зрения гигиены, но зачем приплетать бога? Дальше вот это и происходит — переписывают святые Писания, чтобы адаптировать под себя, под то, чтобы массами управлять было легче. И потому сейчас, в современном нашем мире, когда ты общаешься с богом, и вокруг тебя такое огромное количество подобной информации — правильной и бесспорной по своей сути, но вряд ли божественной по происхождению, современному человеку трудно отделить зерна от плевел. Но парадокс в том, что именно в сегодняшнем мире мы можем по-настоящему прочувствовать свои истинные отношения с богом, убрать из них все напускное и найти главный стержень. Именно это формирует нашу духовность и правильное направление в жизни. Потому что, чем сложнее — тем правильное.

Вера — это тот самый Храм Божий, который внутри человека. С моей точки зрения, это и означает, что для того, чтобы верить в Бога, человеку не обязательно идти в церковь. Сам я хожу, и при этом глубоко убежден, что можно быть верующим человеком, но не воцерковленным. Человек свободен в своей вере именно потому, что она распространяется на все пространство, где бы он сам ни находился, — везде, в любом месте, и не имеет никаких границ и рамок, в том числе социальных.

Тем более формальных, о чем я уже говорил. Ты должен приходить утром в церковь и стоять там, пока идет служба,

а если не делаешь этого, ты не истинно верующий, так, что ли? Нет, конечно. В церкви — рукотворной — такое огромное количество грехов! Я пришел как-то поговорить о крещении своего ребенка, и разговаривать пришлось с пьяным батюшкой. Я, конечно, многое могу понять, но должны же быть какие-то рамки допустимого!

С другой стороны, и тот разгул, который сейчас наблюдается в католицизме, тоже, мягко говоря, от Бога далек. У меня это вызывает оторопь. Я с ужасом смотрю на Запад: и на Европу, и на Америку. Что там происходит?! И всё же — с позволения государства! Разрушение традиционных ценностей. Взять, скажем, хоть ту же Скандинавию, где могут запросто взять — и отнять ребенка у родителей, потому что они ему что-то грубо сказали. Это у них, оказывается, считается большим злом, чем отдать ребенка в руки посторонним людям. И таких вещей ведь сейчас очень много, начиная от однополых браков. И это реалии сегодняшних дней. Где зерно этого всходит? Там, где почва благодатная — где исконные ценности принижают и подменяют. И это страшно.

Человек, по природе своей, должен к чему-то стремиться. Постоянное ощущение комфорта и привычной пресыщенности, отсутствие глобальной цели ведет к угасанию мыслительных способностей, к деградации. Личность перестает развиваться. Человек считает, что полностью защищен социальными гарантиями, хотя на деле-то все это псевдогарантии и псевдоправа на эти гарантии. От отсутствия мысли, от желания иметь все и сразу, ничего не делая, при призрачности социальных прав, в человеке запускается механизм самоуничтожения. Мне кажется, именно в этом и причина всех тех странных вещей, что происходят сейчас в мире. То же и нас касается!

В связи с этим подчеркну, что в моем понимании индикатор веры, в первую очередь, это совесть человеческая. Если человек прислушивается к ней, наверное, он причастен к Богу внутри себя. Так и приходит то самое ощущение веры. Что-то сродни тому, о чем гласит известный афоризм: Бога нет, но жить нужно так, словно Он есть.

Я фаталист? И да, и нет. Все в нашем мире неслучайно. Я верю в судьбу, но не возвожу ее в абсолют непостижимости, как герой лермонтовского «Фаталиста». Нельзя выстрелить в себя и не убить — убьешь. Но фатальность может проявляться по-другому. В отношении к душе. На самом деле нет ничего важнее человеческой души. Развитие ее, нашей сущности, происходит здесь, на планете Земля. В очень нетворческом и жестком мире, тяжелом для проживания и правильного восприятия чего бы то ни было. Что как раз специально и создается, чтобы человек, находясь в таких жестких условиях, и мог определить, что есть бог и что есть он сам, что добро и что зло, что плохо и что хорошо. И что человек вообще здесь делает. Делает не для кого-то — для себя. Хотя в Законе Божиим везде написано: твори добро — и тебе воздастся. Воздастся. Но не потому, что так написано в Законе, а потому, что в первую очередь — это определяет наше воспитание, потому что школа с ее жесткой системой нам специально дана, чтобы мы зрели и переходили из одного класса в другой.

Так же можно сказать о другой — метафизической школе. В этой школе мы редко переходим из класса в класс при этой жизни — только если начинаем рано что-то понимать. И каждый раз человек возвращается на Землю, чтобы прожить новую жизнь: уже что-то поняв, переходя в следующий класс, или оставаясь на второй год. И так может продолжаться очень долго, пока он не сделает правильные выводы и его не переведут в новый класс. А потом ведь еще и школу надо умудриться окончить! По-моему, таких классов 36, если я не ошибаюсь.

Вообще для меня много здесь и непонятного. Почему ребенок пришел в этот мир? Почему маленькие дети болеют? Чем они-то заслужили свои страдания? Я не понимаю, почему так происходит! Мы не знаем, что человек натворил в своей предыдущей жизни и каким уроком это будет ему в настоящей жизни, какой урок своей жизнью он преподнесет другим людям. Одно, думаю, истинно — случайностей здесь не бывает.

Люди приходят в этот мир голыми, такими и уходят. И единственное, что каждый унесет с собой — это тот багаж добра и зла, которое сам же и сотворил. Это ему потом в днев-

ничок там так и запишут, все плюсы и минусы, все, что он сделал здесь.

Когда человек творит добро и помогает людям, несомненно, это правильно. Но человек, сопереживая другим, делает это в первую очередь для себя, каким бы эгоистичным это ни показалось. Потому что так устроен Закон: зачтется ему именно это. Помог человеку, не прошёл мимо того, кто просит, — заработал себе очки, а прошел — значит до следующего экзамена! И не настолько важно, думаю я, какие мысли у тебя в тот момент, когда ты помогаешь. Быть может, ты не согласен, что этому человеку надо помогать, — потому что он не достоин по твоему мнению помощи, — но ты все равно ему помогаешь, потому что знаешь: так надо. Помогать, не взирая ни на что, в том числе и на твои собственные выводы. Так вот очки свои человек и зарабатывает. Наверное, я слишком прагматично и приземленно объясняю. Но я уверен, что таков сухой остаток всех наших философий...

Я знаю цену успешного бизнеса, но не согласен с известным афоризмом о том, что за всяким состоянием стоит преступление. Просто знаю, что это не так. Да и сам я далеко не магнат и не олигарх. Условно говоря, у меня бизнес средней руки. Однако реалии таковы, что поднять любое дело — которое будет тебя кормить и достойно содержать твою семью — в одиночку очень трудно. Поэтому начинают всегда вместе с партнерами. Потом в ходе развития бизнеса их пути могут разойтись, как у меня с шефом. И это далеко не всегда значит, что кто-то кого-то «кинул» или подсидел, хотя такой устойчивый стереотип существует. Что же касается действительно серьезных состояний, о моем шефе Михаиле Юрьевиче, пожалуй, можно сказать, что он олигарх. Все его состояние формировалось на моих глазах. Я знаю, что он иногда переступал через людей и обманывал. Мог не доплатить партнерам или — пообещать и не заплатить совсем. Я, наверное, на все это не пошел бы... Говорю «наверное», потому что сослагательное наклонение здесь не совсем уместно. И в то же время знаю, что это в меру нечистоплотный бизнес, если сравнивать его с тем, что делается на крови.

Если мы в чем-то не будем хитрить, то бизнес не получится. В нем есть свои нюансы. Иногда надо быть хитрым, иногда жестким, а иногда — актером. И, кстати, актерский момент всегда необходим. Но главное, как говорил мой шеф, — к делу нужно подходить со злостью! Нужна энергия желания и старания. Чтобы, как гласит народная пословица, жареный петух в одно место клевал. Чуть только расслабляешься — и результат

Я ВЕРЮ В СВОЮ ЗВЕЗДУ... ХОТЯ НА САМОМ ДЕЛЕ
НЕ ЛЮБЛЮ РАЗГОВОРОВ НА МИСТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ.
НО ЧТО БЫ Я НИ ДЕЛАЛ, Я ЗНАЮ, ЧТО ВСЕ ЭТО МНЕ
ЗАЧТЕТСЯ. В ТОЙ САМОЙ КНИГЕ ЖИЗНИ. ТАКОЙ
У МЕНЯ ФАТАЛИЗМ

упущен. Обманчивая соблазнительная мыслишка о том, что получится само собой, без твоего участия, — всегда во вред. Жизнь человеческая может измениться за секунду. Например, непотопляемый «Менатеп» рухнул в одночасье! Бывает, что страхуешься как будто бы от всех неблагоприятных обстоятельств, но не учишься, что они могут случиться все сразу. Зарекаться от суммы и от тюрьмы нельзя.

Порой и я опасаюсь разорения, как любой предприниматель. У меня даже есть свои маленькие приметы, свой магический метод — на каждый день свои запонки. Запонки на удачу, которые выбираю по настроению и интуитивно. Ведь нам нужны разные удачи. Одни запонки — для стабильного позитивного исхода дела, другие — для яркого прорыва, третьи — просто, чтобы пронесло... Это все игры сознания, и, видимо, я сам внушаю этим запонкам настрой. Но это работает, потому что мысли материальны. Есть у меня и более мощно заряженный символ — иконка от мамы, которую она мне когда-то подарила. Вожу ее с собой в машине. Она мне напоминает об Ангеле-хранителе. Верю, что у меня он есть. И что в любую минуту он мне поможет. Хотя и не знаю, отвечает он за меня или нет, но он мой поводырь, который дает мне возможность идти по жизни. Я верю в свою звезду... хотя на самом деле не люблю разговоров на мистические темы. Но что бы я ни делал, я знаю, что все это мне зачтется. В той самой Книге Жизни... Такой у меня фатализм.

Призраки моего замка

Так получилось, что к своему дому я шел дольше, чем к Богу. А они, несомненно, связаны — эти две важнейшие составляющие нашей жизни. В настоящем доме всегда присутствует метафизика. Я думаю, каждый человек имеет право на дом по определению. Что такое для меня дом? В первую очередь, это место, которое предполагает ощущение защиты. Где происходит подзарядка и своеобразная перезагрузка. Место, куда мне хочется возвращаться. И сейчас у меня такое место есть.

Но так было не всегда. С момента маминой смерти до моей первой женитьбы и потом, с момента развода до второго брака, у меня были такие провальные состояния, когда ощущение дома исчезало напрочь. Мне тогда казалось, что как было уже никогда не будет, но проходило какое-то время — и становилось лучше. И мой второй дом — лучше первого...

Думаю, что в моем доме живут привидения. Вот такая история... а привидения — это всегда история. Здесь мне интересна не столько парапсихология, сколько собственно психология, а точнее — архитектурная генограмма, если можно так выразиться. Иными словами — эмоциональная история зданий. Генеалогия человеческая плотно связана с генеалогией домов, частью которой и являются призраки. Мои призраки, как мне кажется, тоже генеалогической природы. Исследование моего родословия, которым я увлекся, само генеалогическое древо, которое у меня висит, фотографии родных, старинные вещи — все это притягивает подобные явления. И в какой-то момент я стал замечать, что и внутри дома, и на территории вокруг него есть определенные места, где в поле бокового зрения появляется нечто. Постепенно для всех нас это стало нормой. Да, это нечто вижу не только я — моя жена Таня и ее мама периодически тоже его видят. Но меня это не пугает, и мне кажется, что призрак у нас не один. И ощущение их присутствия появляется довольно-таки часто. Это бывает по всему дому: и на лестнице, и в помещениях, и утром, и днем, и вечером, и зимой, и летом, и ни от каких обстоятельств не зависит. Но есть тонкий момент — у нас обосновались, если можно так выразиться, независимые привидения, которые живут сами по себе, и я с ними не знаком.

Возможно, кто-то скажет, что у нас семейная галлюцинация, однако с привидениями не все так очевидно. Можно не верить в их потустороннюю природу, но историческая и психологическая составляющая этих явлений у меня не вызывают сомнений. А эти составляющие вместе создают определенную энергетику и атмосферу, которые и порождают образы не вполне изученной природы.

Персоналии моего генеалогического древа жили не только по всему Подмоскovie — но и по всей России и далеко за ее пределами. Думаю, даже с точки зрения потусторонних законов и всяческих кодексов я делаю хорошее дело, помогая обрести пристанище душам моих предков, что для меня лично важно. Наверное, именно потому они и собираются здесь. И, думаю, помогают мне. А как же иначе? Ведь мы — одна семья!

Ни за пределами забора моего дома, ни в офисе у меня подобных видений не возникает. Хотя на той же улице, где находится наш бизнес-центр, — Николоямской — в доме, выстроенном на месте монастыря, поселился певец Данко и рассказывал прессе, что «соседствует» с призраком монаха. На той же улице жили папа с тетей Ларисой — опять совпадение? Мы же свой центральный офис построили на месте, где раньше была аптека. Разобрали старое здание, но многое от него использовали при создании нового. Во время строительства в земле находилась всевозможная провизорская утварь — старинные стеклянные сосуды колоритных силуэтов. И много элементов отделки аптеки нашлось. Мы использовали все это в декоре уже нового здания — деревянные чердачные балки, элементы кирпичной кладки стен с кирпичами, на которых оттиски со старорусскими буквами «ять», остатки старинных ворот и даже петли. Немного поправили, конечно, но постарались максимально сохранить первоначальный вид. И теперь выстроенное нами новое здание с элементами той старинной аптеки стоит на ее месте. И в нем располагается лично мой офис, в котором я работаю уже в течение десяти лет. Правда, в нем я призраков не встречал. Пока.

Москва — город мистический. Плотность исторических событий здесь зашкаливает, каждая эпоха оставляет после себя не только документальные свидетельства, но и другой, дополняющий их важнейший источник — так называемую oral history. Устную историю. Частью ее и являются легенды. Москва и ее окрестности, если верить легендам, издавна густо заселены привидениями, по следам которых водят туристов и рассказывают им о призраках Ивана Грозного, колдуна Брюса с Сухаревской башни, про черный лимузин, в котором

В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ Я СТАЛ ЗАМЕЧАТЬ,
ЧТО И ВНУТРИ ДОМА, И НА ТЕРРИТОРИИ ВОКРУГ НЕГО
ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТА, ГДЕ В ПОЛЕ БОКОВОГО
ЗРЕНИЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ НЕЧТО. ПОСТЕПЕННО ДЛЯ ВСЕХ
НАС ЭТО СТАЛО НОРМОЙ.

исчезают пассажиры, и даже про призрак Людмилы Гурченко, обитающий в доме в Трехпрудном переулке, где жила актриса. Предместья Москвы не менее богаты призраками, чем столица. Например, при хорошей погоде в окрестностях деревни Ядрово Волоколамского района в небе часто раздается характерный гул авиационного двигателя, и спустя некоторое время появляется немецкий истребитель времен Великой Отечественной войны. Его силуэт несколько размыт, но в точности повторяет характеристики «мессершмитта», а сам авиатор, выглядывающий из-за «фонаря» кабины, бледен, с лихорадочным блеском в глазах и безуспешно пытается завести машину на посадку. Впервые этот самолет был замечен в 1990 году.

Лыткарино, один из подмосковных городков, остался еще с детства у меня на слуху. Он находится сравнительно недалеко от Томилино, где жила в детстве моя мама вместе со своей бабушкой Ольгой Ираклиевной. Дом в Томилино сыграл огромную роль в жизни моей мамы и ее сестер и вообще в нашей семейной истории. А в Лыткарино они, видимо, часто бывали. Возможно, там даже кто-то из дальней родни или их знакомых похоронен. Лыткарино, как мне стало известно, просто кладезь призраков. Наиболее известны два обиталища привидений: дом, построенный на старом кладбище пленными немцами, и «дорога смерти», справа от которой старообрядческое кладбище, слева — Поляна невест, где молодожены по традиции

подвешивают на деревья «счастливые» бутылки из-под шампанского. Осведомленные старожилы говорят: тем, кто справа, якобы не нравится, что творится слева, а страдают от этого недовольства потусторонних сил проезжающие по трассе водители. По ночам в самый неожиданный момент дорогу переходит призрак невесты...

Но отечественный потусторонний эпос пока не так популяризирован, как его англоязычный собрат. Безусловные лидеры в деле охоты за привидениями это англичане. В английском языке самый богатый арсенал для наименований привидений, у слова *ghost* есть еще множество синонимов самых разных этимологий — исландского, шотландского, валлийского, корнуоллского происхождения и других. Как сообщает известный писатель Питер Акройд в своей книге «Английские привидения», в Англии существует более двухсот слов для обозначения призраков, что свидетельствует об их вездесущности и необычайном разнообразии. Кстати, в центральных областях Великобритании духов исконно называют *hobs* или *hobbits*. Впрочем, не секрет, что эпос Дж. Р. Р. Толкина вдохновлен народными преданиями. Почему я вспомнил об англичанах? Они — одна из тех наций, которые трепетно относятся к прошлому. Привидения для них — своеобразный мост света между живыми и ушедшими. Мне близок такой подход.

Но что характерно: наши привидения, как правило, если их не трогать, все же более миролюбивые, чем западные собратья.

Например, в Праге есть старейшая из действующих в Европе синагог с противоречивым названием Староновая. Она была построена в середине XIII века. Про нее ходит много легенд, одна из которых связана с Големом, которого в XVI веке создал пражский раввин Йехуда Лев Бен Бецалель и оживил, вложив в рот табличку с шемом — священным именем божьим. Однажды гигант вышел из повиновения и, бродя ночью по кварталу, начал все ломать и крушить на своем пути. Раввин смог успокоить его, только вынув изо рта шем. Безжизненное тело Голема оттащили на чердак и запретили кому-либо там бывать. Спустя столетия туда поднялся тайный агент фашистской Германии и погиб при невыясненных обстоятельствах.

Есть, конечно, и привидения, принесшие своим домовладельцам коммерческий успех. На адреналине и любви к острым ощущениям тоже можно сделать бизнес. Благодаря Стенли Кубрику, снявшему классику хоррора по книге «Сияние» Стивена Кинга, всем известна история призраков отеля «Стэнли» в Эстес Парке в Колорадо (США). Однако немногие знают,

что в 1997 году на экраны вышел сериал, сцены которого снимались в интерьерах Stanley Hotel, атмосфера которого в свое время и вдохновила Кинга на создание романа. И теперь владельцы отеля не только не намерены изгонять привидений, но и обратили их проживание себе на пользу. Номера с наивысшей паранормальной активностью, в том числе и тот, где останавливался сам писатель, пользуются особой популярностью у любителей пощекотать себе нервы и, соответственно, оцениваются дороже, а по внутреннему телеканалу отеля сутками транслируется «Сияние».

Что ж, чего только не услышишь о необъяснимом. Здесь, вместе с упомянутым уже мною Питером Акройдом, можно лишь вспомнить слова Канта: «Я позволю себе усомниться в каждом из отдельных случаев в частности и, однако, считаю их правдивыми в совокупности»...

Именно та, кто должна была

Возвращаясь к теме дома, скажу, что для меня это — все же не символы и не домовые, а близкие мне люди, которые в нем живут, и та атмосфера, что создается в нем. В ее основе — созидательное стремление человека сделать хорошо не только себе, но и своим родным, всем, кто ему дорог. И оставить созданное своими руками потомкам.

Дом — в каком-то смысле это и есть твоя воплощенная душа. Она во всем — в задуманном проекте, в процессе его воплощения, в обстановке, в деталях и даже в порядке, чтобы все было аккуратно и на своих местах. Главное — это то, о чем я думаю и что мне хочется сделать или улучшить.

А история моего дома началась с того, что мой бывший шеф сказал как-то: «За Новорижским шоссе — будущее и перспективы», — и я подумал, что надо бы его послушать. Послушал и правильно сделал.

Купил участок земли на Новорижском шоссе в поселке Аносино. Это было место, где заканчивались все дороги. Поле перекопанное, глинозем. И ничего на нем не было. А вокруг лес. Конечно, я понимал: чем дальше от города — тем более нетронутая природа, потому участок покупал у застройщика, когда тот уже провел на нем сети и коммуникацию. Это были тридцать соток, на которых я построил дом, — пятиуровневый, как и хотел, — и разбил сад. Посадил сто деревьев — хвойных и лиственных, залил пруд и запустил в него рыб.

Обустройство территории, конечно, начинал с общения со специалистами. Когда стал размышлять над созданием пруда и тем, какие рыбы в нем смогут жить, увлекся ихтиологией, и меня это очень зацепило! В процессе обустройства винного погребка у меня появилось увлечение винами, их историей. Даже генеалогией я занялся отчасти потому, что изначально была идея создать дома галерею предков с их портретами. Вообще дом — исток многих фундаментальных основ в жизни человека, благодаря которым можно чего-то добиться или куда-то отправиться по жизни. Так идеи обустройства дома, возникавшие в моей голове, становились отправной точкой для новых замыслов и проектов.

Вне сомнений, энергетика дома формируется мыслями его обитателей и отношениями друг с другом. Что человек засе-

лит в свой дом, то и будет в нем жить. Это не вопрос того, какие камни закопать в свой огород или обереги по стенам развесить, а мысли — с которыми он это делает. Единственное, что я сделал из домашней метафизики, — освятил дом, когда мы в нем стали жить. А стали мы в нем жить сразу после свадьбы.

Звучит по-сказочному гладко. Однако, подходя к главной истории своей жизни, я особенно чувствую, как сложно говорить достоверно о настоящем. Настоящем во всех смыслах этого слова. Пытаясь описывать самое близкое, еще раз убеждаешься в том, что союз двух людей может казаться другим вовсе не таким, каков он есть на самом деле. Потому что мы всегда судим о чужих отношениях через призму своего опыта. И у меня тоже был опыт до того, как я встретил Таню. Который мне надо было пережить, чтобы в итоге встретить именно ее. Теперь с содроганием представляю, что было бы, если бы до сих пор остался в первом браке... Расставшись с первой женой и пережив острейшую личную драму, я изменил отношение ко многим вещам. Благодаря чему я встретил ту женщину, которую хотел встретить всегда. Но не переживи я все те метаморфозы, все сложилось бы иначе...

Первая наша встреча была на удивление мимолетна. Да и встречей она стала только для меня — Таня о ней не знала. Это произошло в банке наших партнеров, где я часто бывал. А она там работала. Я кого-то ждал. Таня копировала бумаги в глубине зала, а я смотрел на нее и думал: какая молодая девушка, милая, симпатичная... наверное, когда-нибудь она станет чьей-то женой и тому человеку повезет. Это было совершенно абстрактное суждение, вплетенное в поток сознания. Тогда мы не познакомились — просто я заметил Таню. И только потом, спустя год, когда она уже работала в VIP-зоне, где меня обслуживали, мы начали общаться. Так что наше знакомство состоялось постепенно.

Такой процесс сближения был для меня необычен еще и потому, что я на тот момент жил с девушкой. Много в нашей совместной жизни меня не устраивало, и тем не менее заводить новые отношения, когда еще не поставлена точка в предыдущих, для меня было неприемлемо. И все же я отдавал себе отчет в том, что эти самые предыдущие отношения — следствие моей потерянности после развода, душевная анестезия. В тот период я просто был ведомым... и никаких мыслей о женитьбе у меня и быть не могло. А Таня была полной противоположностью всему тому, что меня окружало на тот момент.

Но разрубить гордиев узел сразу я не мог. У меня не было ни сил, ни желания резко менять жизнь... Даже по элементарным житейским причинам. Мы с той девушкой снимали вместе

КОГДА ТАНЯ ВПЕРВЫЕ ВЗЯЛА МЕНЯ ЗА РУКУ, У МЕНЯ
ПОТЕКЛИ СЛЕЗЫ. ЭТО НЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ФИГУРА
РЕЧИ – ТАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

квартиру, и мне было безумно тяжело ломать этот, пусть даже некомфортный для меня, мирок. Я был не в ладах с самим собой. Эта неопределенность продолжалась то ли год, то ли два. Память размыла границы, — видимо, чтобы притупить чувство вины. Таня получила от меня сполна невыполненных обещаний и болезненного ожидания. Я еще жил с другой, а Тане хватило сил все это терпеть, хотя у нее очень развито чувство собственного достоинства. Она дождалась, потому что верила мне. Несмотря на то, что большинство подобных ситуаций ничем хорошим не заканчиваются. Мне и сейчас очень тяжело об этом вспоминать!

И вот я набрался сил и расстался с девушкой, с которой жил. И мы стали жить с Таней. В 2008 году. Когда она впервые взяла меня за руку — у меня потекли слезы. Это не сентиментальная фигура речи — так было на самом деле. Тихий сокровенный катарсис от того, что, наконец, меня взяла за руку та, кто должна была взять... Добрая и мягкая. Хотя и со своим стержнем и принципами. Очень ответственная и честная. Именно та женщина, которую я хотел встретить. Будущая мать моих детей. Я не пытался осознавать то, что произошло. Я просто ощутил родное! У меня такого не было с тех пор, как в 2000 году умерла мама.

Если человек — твой, то с ним ты обязательно начинаешь глубже понимать смысл всего сущего. Жизнь с Таней помогла

мне понять, где берет истоки счастливый союз. Прежде всего, это тепло и любовь. Казалось бы — невеликое открытие. Но я понял, что раньше путал причины и следствия. Брак — это не игра в шашки или покер. Источник истинного взаимопонимания — только любовь. И, конечно, важно различать любовь и влюбленность. Влюбленность базируется исключительно на страсти. Такие отношения мешают жить! А любовь — это и привязанность, и сексуальное влечение, и близость душевная, и что-то необъяснимое, что вечно остается за гранью наших слов.

Если испытываешь страсть — подожди, пока закончится. Можно заново влюбиться в свою жену. Но если женишься по страсти — ничего хорошего не выйдет. Внешний блеск и игры ума хороши в компании. Семья — это нечто неизмеримо большее.

Конечно, каждая история индивидуальна. Никаких готовых схем не существует. Лично мне кажется, что отношения до брака должны длиться около двух лет. Так можно избежать неприятных сюрпризов в совместной жизни. Хотя жестких предписаний тут быть не может. Но одно знаю четко: нельзя жениться «на родителях», «на семье», чему меня научили ошибки первого брака. Брак — это самодостаточный союз двух людей, которые получают удовольствие от общения друг с другом, все остальные — исключительно дополнение.

Свадьбу я делал с искренним пониманием того, насколько она важна для Тани, — ведь для нее это было впервые. Я очень тщательно готовился к этому действию, хотя поначалу немного опасался болезненных ассоциаций. Но я был вознагражден за старания! Свадьба получилась очень красивая и душевная, без всякого налета помпезной бутафории, как иной раз бывает. Мы зарегистрировались в Грибоедовском ЗАГСе, потом поехали в Ботанический сад МГУ, а сам праздник прошел в уютном итальянском ресторанчике «Альберо». Что называется, без всякого свадебного шифоньера и без «нужников» — гостей человек шестьдесят, только свои люди! И хорошие музыканты, саксофонист... Albero в переводе с итальянского — дерево. Вскоре у меня и дерево появилось — генеалогическое вместе с книгой об истории моих предков.

Приятные совпадения и знаки — даже самые субъективные! — надо обязательно хранить в копилке памяти. Они украшают картину жизни, наш взгляд на нее теплеет... Ощущая себя счастливым в прошлом, человек проецирует это состояние в будущее. Счастье накрывает внезапно, и за этим волшебством момента — выращенные внутри крылья. Мне кажется, что к счастью, к любви надо быть готовым. Любовь не приходит ни с того ни с сего. Это состояние, которое возникает по мере готовности психики и формирования личности. Мне жаль современных школьников, искусственно лишенных возможности гармонично развиваться в сфере чувств. Ведь что требуется каждому человеку? Любовь. А сейчас через интернет и телевидение на детей сливается безудержный поток болезненных взрослых переживаний и состояний, облеченных в форму персонажей мультфильмов, комиксов, компьютерных игр, киногероев. Как в этом грохоте оттачивать тонкие грани души? Если бы я был ребенком сейчас, мне было бы очень трудно. Родителям нужно быть особенно внимательными и чуткими теперь...

А возвращаясь к нашей свадьбе, назову еще одну символическую деталь: строительство дома закончилось в тот самый момент, когда мы поженились. Наша совместная жизнь с Таней началась, когда сам дом был почти готов, оставались

ПЕРЕД ТЕМ, КАК РОДИЛСЯ АРСЕНИЙ, БЫЛО УЖЕ ПОЧТИ
ГОТОВО НАШЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО. Я ПОПРОСИЛ
ХУДОЖНИКА ОСТАВИТЬ ДЛЯ НЕГО ЛИСТОЧЕК, И ОН
ВПИСАЛ АРСЮШУ ПРЯМО В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ.
А НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Я ПРИВЕЗ ДЕРЕВО ДОМОЙ...
ВСЕ ПОЛУЧИЛОСЬ СИМВОЛИЧНО

уже моменты внутренней отделки и обустройства. Первый раз мы остались там ночевать на следующий день после свадьбы. А Танины родители уже там переночевали сразу после свадьбы, привезли туда все подарки и вещи. Которые нам сразу и пригодились. И мы с тех пор не уезжали из дома, только разве что сразу после Катинного рождения — чуть больше, чем на неделю, — чтобы быть поближе к детскому врачу. Перед тем, как родился Арсений, было уже почти готово наше генеалогическое древо. Я попросил художника оставить для него листочек, и он вписал Арсюшу прямо в день его рождения. А на следующий день я привез дерево домой... Все получилось символично.

STABO QUOCUMQUE FERAR

Уверен, что будет лучше!

У меня не было мыслей уехать жить из России. Хотя у меня есть дом и за ее пределами. Квартира в одном из самых прекрасных городов мира — Ницце. Мечта о Франции родилась давно, еще со школьных времен. Помню, мама поначалу расстраивалась, хотела, чтобы я изучал английский язык. Но рядом была лучшая французская спецшкола Москвы, и меня туда, по счастью, взяли. Французская спецшкола №16 на Лубянке. Образование в школе было фундаментальным — достаточно сказать, что некоторые предметы здесь преподавались на французском языке, в том числе французская литература и история. Одновременно в нашей школе можно было учиться музыке — я семь лет занимался на фортепьяно.

В девятом классе мы по культурному обмену съездили в Париж. У меня тогда была мечта о плеере и белых кроссовках. Помню, привез еще кассету *Depeche Mode*, и до сих пор помню тот манящий запах иностранных кассет. Я тогда шикарно съездил...

С детства Франция и французский язык стали мне родными. Но после школы, поступив в историко-архивный институт на факультет информатики, я почувствовал, что уровень преподавания французского в вузе, каким бы он ни был, проигрывал темпу, заданному в школе. Я понял, что могу забыть язык. И тут помог случай, а точнее соседка-француженка, с которой я сдружился уже в Чертаново, куда мы с мамой переехали с Мархлевки в отдельную квартиру. Отец этой женщины был родом из России — и таким образом она оказалась на родине предков. У нее был пудель, у меня — рыжий ирландский сеттер Ральф. Гуляя с собаками, мы говорили только по-французски...

Собаки — великие коммуникаторы. Способствуют жизненно важным знакомствам. Собаку я хотел еще в раннем детстве, но мама уверяла меня, что пока мы живем в коммуналке, это невозможно. В двенадцать лет я из принципа предпринял большой опрос наших соседей. Заходил к каждому в комнату и спрашивал, не будет ли он против, если мы заведем собаку. Все единогласно были «за»! Но мама все равно не разрешила. И как только мы переехали в отдельную квартиру, у нас появился Ральф. Моя первая долгожданная собака. Мы его взяли

бездомным. Он прожил у нас десять лет. Даже потерялся однажды — мы его нашли по объявлению. Потом у меня был шарпей — тоже брошенный пес. Первая жена привела его с улицы. На ошейнике была записка: «Не писает, не кусается, зовут Энди». У нас он, правда, стал Хрюшей — уж очень смешная у шарпеев морда. Прожил у нас лет пять. Я после развода порывался его забрать, но был не в том состоянии. Хрюша остался с Настинными родителями.

У Тани в детстве тоже была собака, так что появление в нашем доме четвероногого друга было закономерным. Совсем недавно у нас появился ретривер Алонсо. Он аристократ с родословной. Мы привезли его из Санкт-Петербурга, и его появлению предшествовала целая история. Мы примерно представляли, какую собаку хотим, и поехали в «Крокус» на собачью выставку. Там познакомились с заводчицей, которая начала нас с прохладным прищуром расспрашивать о том, зачем нам собака, если мы не собираемся ее выставлять. Но призналась, что есть хорошие щенки в Питере. Таких разговоров нам еще много пришлось выдержать — у собачников оказался строгий отбор для будущих хозяев! Устроили нам целую экскурсию о том, в каких условиях надо содержать ретривера, допрашивали, сможем ли мы такие условия создать, а потом нам слали фотографии новорожденного щенка. И, наконец, мы за ним поехали. Хорошо, что Алонсо во время поездки нас не подвел, да и с соседями по купе очень повезло. Теперь щенок живет у нас. За месяц на целых 10 кг вырос!

Но вернемся к французскому сюжету. Уже тогда, во время наших собачьих прогулок с соседкой, у меня зародилась идея поселиться во Франции. Тогда это были чистой воды замки на песке. В те годы, на младших курсах института, я просто стремился выбраться из бедности — мы с мамой жили более чем скромно. Это было лишь самое начало пути к цели. Но мысль материальна. Когда, через много лет, я начал размышлять, где купить жилье за границей, конечно в первую очередь в воображении возникла Франция. И вот однажды мне представилась возможность создать продолжение своего дома на Лазурном берегу. Я приобрел просторную квартиру в здании, которое по праву считается памятником архитектуры. Это бывший отель «Режина», построенный в конце XIX столетия. В проектировании инженерной конструкции этого здания участвовал сам Эйфель. Здесь была резиденция королевы Виктории, а до Второй мировой войны здесь жили многие известные русские эмигранты. Здесь я нашел то, что так люблю в архитектуре, — размах! Высоченные потолки и необычный для экономных

ЗДЕСЬ Я НАШЕЛ ТО, ЧТО ТАК ЛЮБЛЮ В АРХИТЕКТУРЕ, —
РАЗМАХ! ВЫСОЧЕННЫЕ ПОТОЛКИ И НЕОБЫЧНЫЙ
ДЛЯ ЭКОНОМНЫХ ФРАНЦУЗОВ ПРОСТОР ЖИЛЫХ
ПЛОЩАДЕЙ

французов простор жилых площадей. В детстве то же самое меня завораживало в нашей коммуналке на улице Мархлевского, ныне Милютинский переулок... Прямо от дома, стоящего на холме, перекинут мост в живописный парк. Словом, здание не только с историческим, но и с оригинальным конструкторским колоритом.

Вот такой, на мой взгляд, и должна быть архитектура жизни — чтобы было где расправить крылья. И где расти мечте.

Мой дом в Ницце — не дача, куда я езжу отдыхать. Я езжу во Францию к себе домой. Мы не любим туда ездить летом — там много туристов, особенно новых русских, которые превращают Лазурный берег в пафосное и гламурное место, и это очень искажает волшебную атмосферу. У французов совершенно другой образ Ниццы. У них нет силиконовых губ и прочих атрибутов «барства дикого». Многим туристам нужно, образно говоря, жить на пляже и из дома в лапшах выходить. А мы живем в историческом месте — нам километра три до моря идти. Зато здесь потрясающе красиво. Зимой перед Рождеством в Ницце потрясающий запах цветущих мандаринов! Воздух чистый, ароматный, сказочный... Все мечтаю прокатиться на поезде Москва—Ницца, через всю Европу... Но как бы ни была она прекрасна и сколько бы ни происходило в нашей стране катаклизмов, я объективно смотрю на вещи и понимаю, что уехать — это значит больше ничем не заниматься. Это совершенно другая

новая жизнь. Конечно, если совсем прижмет, не дай Бог, — то придется. Но я не готов начинать все с нуля. А жить, не работая, — это неминуемая деградация. Я знал многих уехавших. По итогу их всех тянет обратно. Но от привычки к расслабленному состоянию хватка у них пропадает. И войти в рабочий ритм уже практически невозможно.

В России риск присутствует постоянно, и все мы это знаем. Однако у горькой медали есть не только темная сторона, пускай даже медаль часто падает светлой стороной вниз, как извечный бутерброд — маслом. У нас все очень быстро меняется. Мы не Европа — прекрасная, но заскорузлая в своем вековом комфорте. В России всегда есть перспектива принципиально новых течений. Я уверен, что будет лучше!

Привет доктору Фрейду

Воспитывая своих детей, мы, часто помимо своей воли, повторяем своих родителей. Даже их не самые эффективные методы. Те, что нам в юности казались до смешного бессильными. Почему так происходит? Наверное, нами руководит сознание того, что эти методы так или иначе привели к тому, что у родителей выросли мы. Втайне мы хотим вырастить себе подобных. Точнее называем-то ты мы это иначе, куда благороднее: мы прививаем детям вечные ценности! Однако вместе с этой глобальной целью мы хотим просто вырастить близкого по духу человека. Но наши замыслы никогда не осуществляются в точности так, как мы их задумали. И, по здравому размышлению, можно сказать, что это к лучшему. Главная задача родителей — дать ребенку тот источник любви, силы и веры в себя, благодаря которому он сможет реализовать свой потенциал. Великая родительская мудрость — позволение собственному ребенку быть собой...

Я невольно сравниваю мое общение с детьми и то, как меня воспитывала мама. Когда Арсюша отказывается делать то, что должен, я вынужден ему говорить: «Если ты этого не сделаешь, то я сделаю тебе больно». Сын говорит мне:

— Я не буду...

Я говорю ему:

— Надо, — и объясняю.

Он спорит. Я говорю, что дам ему по попе. А он смотрит на меня, и в глазах: «Зачем ты меня обижаешь? Это мое волеизъявление. Я так хочу себя выразить, а ты мне мешаешь. Это не здорово». И я это понимаю, глядя на него!

Бесспорно, ребенок должен учиться чувствовать границы дозволенного и соблюдать их. Но ему не нужно запрещать — надо объяснять, учить. А я ставлю эти границы перед своими детьми, ставлю ребенка перед выбором, что неправильно.

До сих пор удивляюсь, как же моей маме удавалось этого избегать! Хотя и у нас с ней случалось всякое. Вспомнилось, как однажды я загулялся на улице допоздна, а мама, уставшая после работы, бегала в поисках: ребенок пропал! Изнервничалась, что меня дома так поздно нет, и, как она любила говорить в таких случаях, «не знала уже, куда звонить». Иду я домой веселый,

с улыбкой до ушей, и встречаю маму — она уже в милицию идти собралась... Затрещину я, конечно, тогда от нее хорошую получил! Если за дело — мама могла влить мне. Бесспорно, с полным на то правом, поскольку сильно перенервничала из-за меня: от того, что не пришел домой вовремя, не позвонил, когда обещал. Мало ли что могло случиться! А она — в ожидании — находилась на грани инфаркта. Никогда из-за этого не бегал по квартире с истериками, не хлопал дверью перед ее носом: мол, ухожу, ненавижу, надоело! Минут пятнадцать — и эмоции утихали. Мама успокаивалась, потому что я не спорил с ней, понимая, что виноват, извинялся. Как правило, на этом конфликт исчерпывал себя — мы мирились, и ситуация не повторялась. Я учился делать выводы.

Я, конечно, упрямым был в детстве. Ныть любил, когда что-то не хотел делать, и мама с бабушкой боролись с этим, как могли, — упрасивали, уговаривали, объясняли. Я думаю, на каком-то подсознательном уровне им было известно, что больше всего ребенок нуждается в любви тогда, когда меньше всего ее заслуживает. И сейчас я тоже понимаю: ребенка не надо ломать, обещая ему всяческие кары, не надо развивать в нем чувство вины. Его надо больше хвалить. Положительные эмоции эффективнее. Подтверждение тому я вижу каждый день на примере собственных детей.

Они ежедневно занимаются чем-то — рисованием, лепкой, моторику развивают, внимание, восприятие. Мы с женой стараемся раскрыть перед ними весь мир, стараемся дать им возможность во всем себя попробовать проявить.

Размышляя обо всем этом, прихожу к выводу, насколько более спокойным было поколение моих родителей. Может, потому что они контролировали информацию, которую мы получали в нашем детстве, и четко дозировали ее, чтобы не нагружать мозг ребенка? А в наше время и родители, и дети перегружены столькими противоречивыми стереотипами социума, что собственный неповторимый путь еще попробуй найди! А ведь это самое важное.

И это вечное сравнение: «Вот я в твоём возрасте...» Оно уже не работает. И никогда не работало! Родительский пример воспринимается, когда в нем нет назидания, — как и любой пример. Только эффект может быть замечен через годы. Точно так и влияние истинного учителя — преподавателя от Бога или наставника в более широком смысле этого слова. Мы не сразу принимаем на веру все его слова. Но они таковы, что откладываются где-то в долгосрочной памяти. Интуитивно мы чувствуем в них зерно истины, но пока не можем его раскусить. Постепенно обретая

жизненный опыт, мы постигаем смысл этих слов, и однажды они становятся для нас спасательным кругом, поддержкой, выходом... Родители уходят, но с нами остается живая сердцевина их ценностей и стремлений. Не столько то, что они пытались нам втолковать, — а внутренний нерв их земного пути.

Вспомнилась одна особенность моего характера в детстве — я не помню, что обманывал родителей. Очень распространенная детская болезнь роста — что-нибудь напести маме, папе, бабушке, которая обошла стороной редкого ребенка, — мне была совершенно чужда. Фантазировал — да, без цели ввести кого-то в заблуждение с выгодой для себя, хотя многие врали — по разным причинам, но в основном от страха. Может, потому обошло меня стороной даже детское вранье, что в моих отношениях с родными всегда была откровенность? Я мог открыто высказать свою позицию, недовольство. Я мог сказать, что не хочу что-то делать, и не делать этого.

Получалось, я знал, что обманывать плохо, но напрямую мне этого никто не внушал. Я впитал и усвоил открытость из атмосферы нашей семьи. По-моему, это наилучший способ воспитания.

А есть у меня черта, которая навела меня на мысль о психоанализе. Я с детства был очень аккуратен и к вещам относился с уважением. Тетрадки мои никогда не были мятыми и всегда лежали в стопке, учебники были обернуты, в пенале — порядок, все школьные принадлежности находились на своих местах. Я никогда не приклеивал ни на тетради, ни на мебель никаких наклеек ни от жевательной резинки, ни с апельсинов, как это было у других, и всегда недоумевал по этому поводу: зачем, зачем они это делают? Ведь это так убого выглядит — неопрятные, изрисованные учебники, обклеенные настольные лампы, обшарпанные письменные столы! У меня никогда не было желания испортить, изрисовать вещь. И этому меня никто не учил — я сам видел, что это убого! Я ничего не ломал, не разбрасывал и когда, приходя к кому-то из приятелей домой, видел кавардак — у меня это вызывало отторжение, как нечто чужеродное. Помню, одноклассники — и в начальной школе, и в старших классах — грызли ручки, карандаши. Мне неприятно было их в руки брать, не то чтобы самому грызть! И уже став взрослым, я никогда не хожу в мятой, неопрятной одежде, с несвежим галстуком. В этом — мое отношение к пространству вокруг себя.

Аккуратности меня тоже никто специально не учил. Значит, она была заложена глубже, чем могут проникнуть мои воспоминания. Возможно, я унаследовал ее от своего папы. Однако, размышляя об этом, я не мог не коснуться психоанализа.

У Зигмунда Фрейда есть теория о психосексуальном развитии. Кто бы ни считал ее спорной, теперь это классические основы знаний о человеческой психологии. Она рассматривает определенные фазы развития индивидуума начиная с младенчества, результаты прохождения этих фаз являются предпосылками к формированию характера. Опыт человека на каждом этапе оставляет свой отпечаток в виде установок, черт личности и ценностей, приобретенных в соответствующей фазе. В зависимости от того, как человек проходит ту или иную фазу, его личность обретает те или иные качества. Упрямство, жадность, аккуратность, перфекционизм — все это классические свойства характера, который испытал некую фиксацию на второй фазе развития. В данном случае не столь важно, что это за стадия. Просто я задумался: аккуратность у меня присутствует. Упрямство — в некоторой степени, необходимой для того, чтобы настоять на своем — в бизнесе это необходимо. Перфекционизм... не до фанатизма, конечно, но если ты делаешь свое дело хорошо, то перфекционизм в тебе присутствует обязательно. Но вот жадность?! По-моему, она мне не свойственна вовсе. Или же я себя идеализирую... А если нет, то следует вспомнить принцип Пуаро: если есть версия, но одна деталь преступления в нее не вписывается, значит, неправильна вся версия, а не одна деталь. Забавно.

Разумеется, я не претендую на то, чтобы сокрушать «бородатых основоположников». Даже Фрейд собственной персоной не сумел бы проанализировать самого себя — для этого у психоаналитиков существуют их коллеги из тех, кому они доверяют. Самих себя мы видим вовсе не так, как видят нас окружающие. И своих детей — тоже. И даже владей мы в совершенстве знаниями о формировании натуры, все равно соблюсти золотую середину в воспитании ребенка нам было бы чертовски трудно. Дети слишком нам дороги, чтобы мы не совершали из-за них ошибки. Мне важно, чтобы, прочитав эти строки, мои дети еще раз поняли, что они для меня — самые любимые люди на свете. Мне хочется быть им хорошим отцом, защитой и поддержкой, видеть, как они вырастут. Быть им другом. И эта книга прежде всего для них.

Вместо послесловия

Ни одна религия, ни одно философское течение пока не решило загадку человеческой судьбы. Мы, люди цифровой эпохи, по-прежнему верим в приметы, в предчувствия, в астрологию, в вещие сны... Мы верим, а точнее вечно сомневаемся в очевидных причинах и следствиях. Наш мозг мучается загадкой везенья-невезенья. А наша память «тасует» пережитый опыт по своим, еще не вполне изученным наукой законам... Не потому ли порой нам кажется, что мы проживаем чужую жизнь? И не в этом ли источник наших дежавю, этих пронзительных и необъяснимых ощущений, знакомых каждому... Что ж, как говорится, сюжетов в мире на всех не хватает. Все уже когда-то было — нам внушают это с детства. Мы привыкаем к роли песчинок в потоке жизни, незначительных и фатально похожих друг на друга.

Но сюжеты, сколь бы ни были они знакомы, затерты, обыденны — никогда не повторяются точь-в-точь, как рисунок на ладони. Бог не делает копий. Иначе не родились бы «Вестсайдская история» и «Вам и не снилось» — ведь с точки зрения формальной логики это версии «Ромео и Джульетты». Так и в жизни — любая версия самоценна. Важно только, какая она...

За все придется платить... Еще одна аксиома, усвоенная нами с молодых ногтей. Подтверждают ее биографии великих, достигших славы и богатства, но вместе с тем таких страдающих и одиноких. Узнавая о них, наше сознание словно включает «утешительную» программу, оно шепчет: слава Богу, ты не имел того, что имеет он. А в сущности, это приводит к тому, что мы боимся... успеха. Не хотим быть счастливыми, как бы это парадоксально ни звучало. Не идем к своей мечте, боясь «расплаты». Но разве при этом нас минуют печали и потрясения?! Нет. То есть своей цели мы не достигаем. Отсутствием радости мы не «покупаем» взамен отсутствие боли.

Иной раз в чужой биографии мы ищем оправдания своим слабостям. *Он*, знаменитость, пил — значит, и мне не грех пропустить стаканчик. Мой ребенок плохо учится — но *Он* учился еще хуже... Однако ссылаться на зигзаги судеб гениев — скользкий путь. Потому что судьба — это характер во всей полноте. И выясняется, что во всей полноте мы его принять не готовы,

потому что это зачастую и ранняя смерть, и наркомания, и мучительные болезни, и нетрадиционная ориентация, и физическое уродство... «Плата за талант, за гениальность», — рассуждаем мы. И не хотим платить.

Авторы этой книги взяли на себя смелость показать другой возможный путь развития. А именно — историю человека не медийного, но при этом состоявшегося и созидательного. Не стремящегося к мировой славе, но при этом реализовавшего свои способности и востребованного в обществе. Мы хотели показать, как архитектура, а, иначе говоря, метафизика, обусловленность жизни складывается из ежедневного самопознания и преодоления, огней и осколков, знаков и предчувствий, мистики и обыденности. Как порой человек находит опору в случайных соломинках, но благодаря вере и целеустремленности обращает случайности себе на пользу и находит путь. Мы предложили опыт неотшлифованной глянцем живой породы жизни, которая может стать опорой, или вспомогательным материалом для архитектуры нашей собственной судьбы. Или — дать вдохновение для новой истории.

Содержание

1. Первый крик свободы	9
2. Темная сеть	14
3. Огни и осколки	18
4. Последнее лето	21
5. Психо	27
6. Не снимая часов	29
7. Дети из Венеции	33
8. Easy come — easy go	39
9. Алла Борисовна	43
10. Первая премия	47
11. Черепаха моей памяти	49
12. «Пепел и алмаз»	54
13. Отсрочка	57
14. Водка, сникерс и грузинский чай	62
15. Иногда они возвращаются	68
16. Предчувствие как космос	72
17. Запах канифоли	76
18. Сексуальное занятие	81
19. Мистика Полтавской губернии	83
20. Фотография в серванте	86
21. Не дай отключиться	89
22. «...От наших сказочных времен»	94
23. Школа Абрамовича	98
24. «...И в моей руке будет туз, а в твоей будет джокер»	104
25. Темная сторона Луны	106

26. Уголок планеты	108
27. О местечковом православии и католических яблоках	112
28. Personal Jesus	115
29. Сухой остаток	118
30. Призраки моего замка	122
31. Именно та, кто должна была	128
32. Albergo	133
33. Уверен, что будет лучше!	136
34. Привет доктору Фрейду	141
Вместо послесловия	145

Литературно-художественное издание

Архитектура жизни: закон случайных величин

Автор идеи

Дмитрий Наринский

Литературный текст

Дарья Симонова

Ева Ждановская

Иллюстрации

Катерина Горелик

Дизайн издания

Baggy&BromDesignBureau

Арт-директор, дизайнер

Яков Красновский

Компьютерная верстка

Сергей Коренюк

Допечатная подготовка

Юрий Мосягин

Редактор

Людмила Лащева

Подписано в печать 16.10.2015.

Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура ITC NewBaskervilleC.

Печать цифровая. Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, г. Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Отпечатано способом ролевой струйной
печати в типографии One Book

Россия, 129090, г. Москва,

Протопоповский переулок, д. 6,

www.onebook.ru

